

ВОСЬМОЙ ПЕРИОД

Лето и осень 1944 года: форсирование Ла-Манша осуществлено, но коалиция занята политическими вопросами в странах, расположенных в зоне европейского театра военных действий

Политические волнения в странах, расположенных в зоне европейского театра военных действий; лето 1944 года

Каждая страна, расположенная в зоне театра военных действий в Европе, представляла проблему, служащую проверкой для единства коалиции. Все эти страны захлестнули волны войны, но каждая на ее гребнях занимала свою позицию. В Италии ситуация развивалась в трех различных плоскостях: в некоторых отношениях она оставалась бывшим членом стран Оси, связанной с ними определенными условиями, с другой стороны, она была соратником в войне против Германии. И одновременно она являлась ареной спора среди итальянцев о методах управления и форме правительства.

После подписания в Москве в октябре 1943 года соглашения о распределении зон контроля над Италией и одобрения совместного заявления о политике, которая будет там проводиться, все полагали решенным вопрос о том, какую роль будет играть Советский Союз в управлении делами этой страны. Но в действительности все было не так.

10 ноября Эйзенхауэр официально сообщил об учреждении Контрольной комиссии. Как было оговорено в директиве, полученной им от Объединенного комитета, эта комиссия должна:

1) проводить в жизнь условия капитуляции и следить за их исполнением;

2) гарантировать, чтобы итальянское правительство действовало в соответствии с военными нуждами союзников.

В публичном сообщении объяснялось, что это должен быть орган, «...посредством которого осуществляются отношения между Объединенными Нациями и итальянским правительством». Вся связь главнокомандующего с Контрольной комиссией по политическим вопросам должна проходить через Объединенный комитет. Все должности в штабе должны быть поровну распределены между американцами и британцами. Сэр Генри Мейтленд Уилсон, новый главнокомандующий войсками средиземноморского театра военных действий, впоследствии был назначен председателем.

Одновременно были предприняты шаги к образованию Консультативной комиссии. 24 ноября Вышинский, оправившись от болезни, прибыл в Алжир и в окружении многочисленного штата энергично и с интересом приступил к своим обязанностям советского представителя. Возможности взаимодействия членов этой комиссии еще обсуждались британским и американским правительствами, но все единодушно считали, что ее следует создавать как организацию, которая будет проводить в жизнь условия капитуляции и консультировать по общеполитическим вопросам союзного главнокомандующего, как председателя Контрольной комиссии. Все полагали, что Консультативная комиссия должна действовать как единое целое и ее члены не должны сообщаться с итальянским правительством поодиночке.

Сразу же стало очевидно: у Вышинского свои соображения по всем этим и связанным с ними вопросам. Несмотря на дискуссию во время московской конференции, он придерживался концепции, что члены комиссии должны обладать правом совещательного голоса – то есть определять политику и функции Контрольной комиссии. Это выяснилось в ходе дальнейших утомительных дискуссий, рассказ о которых надо предоставить специалистам, изучающим этот эпизод, отнюдь не способствовавший нашему сближению. В конце концов советское правительство сочло целесообразным признать, что оно не должно вмешиваться в дела западного театра военных действий, как

бы ему этого ни хотелось.

Не было общего мнения и по вопросу о значимости мест в Контрольной комиссии для советских представителей. Вышинский, имевший слабое представление о ее структуре, предполагал, что наиболее важные посты предназначены для двух высокопоставленных советских офицеров, приехавших с ним. После длительных дебатов договорились назначить советского и французского представителей заместителями начальника штаба и заместителями председателя комиссии. Но никто не знал определенно, каков их статус. Молотов уже давно поднимал вопрос, не следует ли советским членам штаба предоставить более важную роль в работе комиссии.

И вдруг, повинувшись внезапному порыву, советское правительство стало стремиться к независимости от Контрольной комиссии. Едва Вышинский занял свое место в Консультативном совете, он заявил Бадольо, что его правительство желает скорейшего освобождения Италии и стремится установить отношения с итальянским правительством. Бадольо рассказывает, что немедленно передал содержание этого разговора генералу Джойсу, заместителю председателя и действующему руководителю комиссии. (Генерал Джойс пригласил Бадольо поехать вместе с ним на первую встречу Консультативного совета после того, как он переехал из Северной Африки в Неаполь.)

Американцы и британцы были поражены заявлением Вышинского.

Вскоре Вышинский был отозван в Москву для более важной работы. В начале марта его заместитель в Консультативном совете Богомолов встретился с Бадольо. Напомнив ему о беседе с Вышинским, он спросил премьер-министра, готов ли он письменно потребовать от советского правительства аккредитовать в Италии советского представителя и принять представителя итальянского правительства в Москве. Бадольо согласился, и советское правительство спешно уступило его требованию.

Американский и британский послы в Москве заявили протест. В ответ на их претензии, что эта акция была предпринята без предварительной консультации, Молотов и Вышинский ответили, что советскому представителю в Консультативном совете было дано указание уведомить совет о намерениях Советского Союза. Они считали, что их указание выполнено. 14 марта советское правительство сообщило о заключении соглашения об обмене дипломатическими представителями.

Последовала длительная переписка. Союзные войска по-прежнему вели в Италии тяжелые бои. И страна, как бывший враг, по условиям перемирия, одобренным Советским Союзом, была обязана подчиняться приказам главнокомандующего. В этих обстоятельствах действия Советского Союза были признаны своевольными и вредными. Государственный департамент согласился с мнением Гарримана, высказанным 16 марта: «Если позволить советскому правительству безнаказанно заниматься подобными неблагоприятными делами, наносящими удар по духу сотрудничества, это будет приглашением повторить их». Из замечания посла к этому посланию отчетливо видно, насколько со времен Тегерана пошатнулась его вера в искренность стремления Советского Союза к сотрудничеству: «Когда Советам не нравятся наши предложения, они, не колеблясь, становятся с нами резкими. Ведь если сейчас мы не проявим твердость по каждому из подобных инцидентов, Советский Союз, вполне возможно, будет проводить политику всеобщего запугивания». Хэлл разрешил Гарриману дать понять Москве, что мы считаем этот факт прискорбным, угрожающим единству коалиции и вере в надежность московских соглашений.

В своем ответе от 19 марта Молотов энергично защищал действия советского правительства на том основании, что ему необходимо заботиться о своих интересах в Италии и изменить неравное по сравнению с американцами и британцами положение советского правительства в отношениях с итальянскими властями. Он ссылаясь на то, что ни московские, ни тегеранские соглашения не запрещают напрямую обращаться к итальянскому правительству.

Тогда американское и британское правительства обрушились на Бадольо. Его

обвинили в том, что он действует за их спинами, не имея права заключать какие-либо соглашения с иностранными правительствами без согласия на то Контрольной комиссии. Впрочем, в своей книге Бадольо игнорировал упоминание об ограничениях, навязанных Италии соглашением о перемирии, и настаивал, что не мог отказаться от предложения, которое, по его мнению, полностью соответствует интересам Италии. Союзный главнокомандующий направил ему письмо, в котором решительно заявил: итальянское правительство не может вступать в дипломатические отношения с какой-либо державой, союзнической или нейтральной, и что из соображений военной безопасности все связи должны осуществляться через Контрольную комиссию. Бадольо возразил, что условия перемирия связывают итальянское правительство по рукам и ногам. Текст письма Бадольо опубликован. В нем он горько жалуется на меры контроля, применяемые к Италии Контрольной комиссией, и настаивает, что условия перемирия должны быть пересмотрены как устаревшие и не соответствующие духу союзничества.

Американское и британское правительства не считали действия русских и итальянцев оправданными, но в конце концов разрешили им обменяться дипломатическими представителями. О назначениях было объявлено 4 апреля, и почти тотчас же американское и британское правительства обменялись с Италией своими дипломатическими представителями. Каждый был официально назван «прямым представителем».

От Америки был назначен Александр Керк, от Британии – сэр Ноэль Чарльз.

Причины, по которым сдались американское и британское правительства, были различными. Именно тогда обострялись разногласия из-за Польши, и раскрывать свои карты перед советским правительством они не хотели. Вполне вероятно, они пришли к заключению, что этот шаг не имеет большого значения, пока контроль осуществляет союзный главнокомандующий. А может быть, на них повлияла дружная, рука об руку, работа в Консультативном совете советского, американского и британского представителей. Можно добавить, что, по иронии судьбы, Бадольо вскоре начал жаловаться американцам и британцам на присланного советского представителя Костылева как доставляющего ему «хлопоты».

Несмотря на эту борьбу за возможность влиять на события в Италии, советское правительство в то время, о котором мы рассказываем, действовало в соответствии с развитием политической ситуации в этой стране. О консультациях по данному вопросу внутри коалиции следует рассказать особо.

Переговоры между Бадольо и лидерами политических партий в конце октября 1944 года по вопросу отречения короля потерпели неудачу. Он имел дело с кабинетом, не имеющим никакой политической ориентации. Но когда стало ясно, что немцы собираются занять длительную и ожесточенную оборону южнее Рима, требования об изменениях в правительстве зазвучали громче. Черчилль и министерство обороны изо всех сил сдерживали ярость. Это было вызвано отчасти памятью о помощи, оказанной Бадольо и королем (флот); отчасти позицией, выраженной премьер-министром президенту 6 ноября: «Разумеется, мы должны держаться за то, что имеем, пока не будем уверены, что можем получить что-нибудь получше, а это можно гарантировать только тогда, когда Рим станет нашим».

Рузвельт, хоть и неохотно, поддержал Черчилля. Он согласился, что союз Бадольо и короля еще какое-то время может просуществовать, невзирая на принципы, одобренные в Москве. Советские власти были столь же терпеливы.

В конце января 1944 года, после высадки в Анцио, Хэлл попытался ускорить изменения – реорганизацию правительства и отречение короля. Но Черчилль и его коллеги решительно возражали. Обстоятельства работали на них; медленные темпы наступления союзников не требовали срочного решения этого вопроса, да и осторожность в таком деле была нелишней. Поэтому президент снова уступил, несмотря на ворчание

Хэлла.

Как бы то ни было, исполнительный комитет, организованный оставшимися членами шести итальянских антифашистских партий, продолжал действовать самостоятельно. Эта команда разработала программу и хотела заручиться поддержкой американцев, чтобы начать претворять ее в жизнь. Представленная на рассмотрение в середине февраля программа призывала к отречению короля, что означало конец Савойской династии. Однако просочились слухи о том, что, если король отречется только в пользу наследного принца, чья деятельность будет находиться под контролем, это на время удовлетворит команду. Правительство коалиционных партий должно было унаследовать власть от Бадольо и действовать до тех пор, пока по всей Италии не пройдут всеобщие выборы. Левые партии проводили забастовки и демонстрации с целью привлечения внимания к своим предложениям. Новый главнокомандующий союзных войск на Средиземном море генерал Уилсон, а также американский и британский политические советники настаивали на принятии программы. Американцы были готовы претворять ее в жизнь. Но тут воспротивился Черчилль, и Рузвельт в очередной раз ему уступил.

На этот раз Черчилль не связывал грядущие изменения с инициативой Советского Союза в установлении прямых дипломатических отношений с правительством Бадольо.

Наряду с действием многих политических групп в стране было разрешено коммунистическое движение. На уличных и фабричных собраниях выступали его лидеры, вернувшиеся из подполья, тюрем и ссылок. Его бывший глава, Тольятти, член Коминтерна, в конце марта приехал из Москвы и тотчас же оживил работу коммунистов и изменил их тактику. Коммунисты предварительно объединились с остальными политическими партиями в требовании политических изменений и отречения короля. Но вскоре после своего возвращения Тольятти призвал членов своей и других партий сотрудничать с правительством Бадольо до создания правительства, где будут представлены крупные массовые политические партии, отложить рассмотрение вопроса об отречении короля и бросить все силы на борьбу с немцами.

В конце концов, американское правительство было вынуждено изменить свои планы. Видя, что все время находятся причины, оттягивающие срок уничтожения фашизма – одной из задач, ради которой США вступили в войну, – оно теряло терпение. Оно попыталось через Консультативный совет произвести преобразование правительства Бадольо и склонить короля к отречению. Британское правительство наконец уступило. Оно согласилось сказать королю, что ему пора оставить трон. Британский представитель в Консультативном совете подписал резолюцию, в которой совет заявил, что будет приветствовать, если Бадольо сформирует новое правительство, в котором будут представлены все партии.

Мэрфи – американский представитель в Консультативном совете и политический советник Эйзенхауэра – 11 апреля встретился с королем и потребовал немедленного отречения от престола. Король не согласился. Самое большее, на что его удалось уговорить, – сообщить народу, что после взятия союзниками Рима он удалится от дел, назначив своего сына, принца Пьемонта, генерал-лейтенантом королевских войск. Поскольку американское правительство не надеялось на решение британцами этого вопроса силовым путем, оно согласилось на такой компромисс, прекрасно понимая, что окончательная судьба монархии будет решена плебисцитом после войны. На следующий день, 12 апреля, король подписал королевский указ и сделал сообщение. Вскоре комитет итальянских партий, претворяя в жизнь решение Консультативного совета, принял решение войти в новое правительство, главой которого останется Бадольо, но которое будет в основном состоять из его представителей. Это было 16 апреля, а 17 апреля на пресс-конференции в Москве Вышинский одобрил недавнее решение Консультативного совета, сказав, что оно выражает общую точку зрения союзников и является шагом вперед в решении политических проблем Италии.

Новое правительство приступило к своим обязанностям 24 апреля. Среди главных фигур новой администрации были Бенедетто Корчи, граф Сфорца (против кандидатуры которого возражал Черчилль) и Тольятти, лидер коммунистов. Все они были министрами без портфелей.

Предвидение Черчилля вскоре сбылось. Бадольо от имени нового правительства настойчиво требовал признания Италии союзником. Согласие на это почти наверняка давало Италии право требовать применения к ней условий перемирия и сохранения целостности итальянской территории. Такой поворот событий мог бы вызвать недовольство Югославии, Греции и Франции. Предвидя это, британское правительство всячески противилось каким-либо изменениям, с чем согласились и американцы.

Пока новое правительство занималось делами разграбленной и разрушенной Италии, союзные войска наконец овладели Римом, тем самым увеличив территорию Италии, свободную от немцев. За день до взятия Рима, 5 июня, король выполнил свое обещание и передал трон принцу Гумберту, генерал-лейтенанту королевских войск. Лидеры итальянских политических партий в Риме тотчас же сделали попытку сместить Бадольо. Пока американское и британское правительство решали, следует ли допускать это, дело было сделано. Итальянские политические деятели просто отказались служить под руководством Бадольо. Без советов с союзниками они сформировали новое правительство во главе с Бономи, а министром иностранных дел стал граф Сфорца. Черчилль был обеспокоен отстранением Бадольо в пользу «этой группы пожилых и голодных политиков», но не мог этому воспрепятствовать. Новый кабинет торжественно обещал принять на себя обязательства, взятые правительством Бадольо, в том числе условия капитуляции и отсрочку решения о судьбе монархии до окончания войны в Италии. До поры до времени спорные вопросы, касающиеся Италии, союзниками не обсуждались.

Политические волнения в странах, расположенных в зоне европейского театра военных действий; лето 1944 года (продолжение)

В то самое время, когда был взят Рим и началась операция «Оверлорд», возродились надежды на достижение мирных и взаимно приемлемых решений по управлению Югославией.

Напомним, что во время конференции министров иностранных дел в Москве попытка заручиться поддержкой Советского Союза в деле объединения политических групп Италии ни к чему не привела. Месяц спустя, пока работала конференция в Тегеране, Тито созвал политический конгресс. Он учредил временное правительство, в котором коммунисты, пусть и в меньшинстве, стали правящей элитой. Оно требовало права представлять Югославию, не признавало власть короля и его правительства в изгнании и запретило королю возвращаться после освобождения страны. Все это, а также слухи об интригах с Советским Союзом, толкнуло Черчилля на новую попытку убедить Сталина в последующем соблюдении его интересов. Эти действия Черчилля, должно быть, были вызваны заявлением Бенеша, сделанным им в Москве в декабре. Он передавал слова Сталина о поддержке им идеи Югославской федерации: хотя ему не нравится теперешнее правительство короля, он не питает к королю никакой личной неприязни; он симпатизирует Тито, но, как человек широких взглядов, не будет вмешиваться во внутреннюю политику страны.

Британское правительство продолжало изо всех сил устранять препятствия на пути установления соглашений между группами Соппротивления, британским правительством и королевским правительством в изгнании. Оно усилило помощь партизанам Тито. А так как четники Михайловича больше не проявляли желания сражаться с немцами, оно отказало им в помощи и отозвало британские миссии, действующие на их территории. Теперь Черчилль стал отзываться о Михайловиче как о «камне на шее маленького короля...».

30 декабря Черчилль написал Идену: «Сейчас нет никакой возможности заставить Тито принять короля Петера, как *quid pro quo* для того, чтобы не принять Михайловича. Когда Михайлович уйдет, шансы короля улучшатся, и мы сможем защищать это дело в штабе Тито».

Черчилль уговаривал короля освободить Михайловича от должности военного министра в королевском правительстве. Одновременно британские офицеры связи, приближенные к Тито, добивались компромисса и союза с королевским правительством, чтобы привлечь в свои ряды югославов, особенно сербов, преданных королю.

В течение первых месяцев 1944 года, пока британское правительство применяло эту тактику, войска Тито превратились в сильную армию, привлекающую в свои ряды все больше и больше людей. «Запятнанное», как назвал его Черчилль, королевское правительство в изгнании, напротив, начало разлагаться. В марте король с премьер-министром вернулись в Лондон, оставив остальных членов кабинета в Каире. К 1 апреля Черчилль начал бояться, что, если в ближайшее время правительство не начнет действовать, будет упущен последний шанс. В письме к Идену он выразил мнение, что решение неизменно, и добавил: «Обсуждая эти вопросы в Каире, мы видели проникновение грандиозной русской миссии в штаб Тито, и у нас не остается сомнений, что русские будут стремиться к созданию коммунистической Югославии, управляемой Тито, и откажутся от всех альтернатив как от „недемократичных“».

Однако советское правительство на каждом шагу повторяло о своей поддержке Тито на проходящих переговорах и позволило британцам взять на себя лидирующую роль.

Молодой король наконец с грустью понял, что ему лучше последовать совету британцев. Он согласился на формирование нового правительства, в которое не войдет Михайлович. Шубашич, бывший губернатор Хорватии, член крестьянской партии, придерживающийся умеренных взглядов, был назначен премьер-министром. В письме к Тито Черчилль писал: «Будет очень жаль, если Вы поспешите публично отказаться от них... Битва в Италии идет успешно. Генерал Уилсон заверяет меня в своей решимости оказывать Вам всемерную помощь. Поэтому я чувствую себя вправе просить Вас воздержаться от каких-либо высказываний против этих событий, по крайней мере до тех пор, пока мы не сможем обменяться телеграммами по этому вопросу».

В послании от 24 мая он объяснил Тито: «По моему представлению, этому правительству следует на некоторое время затаиться и предоставить событиям идти своим путем». Из краткой фразы, которой он закончил послание, видно, как непринужденно и весело он обращался к югославскому партизанскому лидеру: «Передайте привет Рэндольфу (сыну Черчилля), если он покажется на вашем горизонте. Маклин (глава британской миссии у Тито) скоро вернется. Я бы и сам хотел приехать, но я слишком стар и тяжел, чтобы прыгать с парашютом!»

Премьер-министру был не чужд вкус к приключениям, но он был вынужден выполнять менее напряженные, но не менее утомительные обязанности, от которых все же сумел отвлечься, совершив путешествие в Нормандию, правда без парашюта, чтобы проследить за выполнением операции «Оверлорд».

В конце мая произошел эпизод, когда союзники буквально спасли Тито. Мощное наступление немцев отбросило его отряды от берега далеко к горам. Он обратился за помощью к союзному командующему на Средиземном море и получил ее. Британские и американские бомбардировщики бомбили сосредоточения немецких войск и транспорт, защищая партизан Тито от воздушных атак немцев. В результате немецких атак, в том числе и авиационных, был разгромлен штаб Тито, а его отряды отброшены к Боснийским горам. Ему со своим штабом, а также британскими и советскими офицерами связи удалось прорваться сквозь немецкий фронт к партизанскому аэродрому, где их уже ждали союзнические самолеты. Выбрав один из советских самолетов, он улетел в Бари, а оттуда на британском истребителе на остров Вис в Адриатическом море, где образовал свой новый штаб.

Похоже, он не считал этот акт спасения причиной для изменения своих политических целей. Но вполне возможно, его отношение к договору с правительством в изгнании, защитником которого по-прежнему выступало британское правительство, изменилось в лучшую сторону. В июне было подписано соглашение между Тито и Шубашичем, согласно которому сторонникам Тито предоставлялись руководящие посты в новом королевском правительстве в обмен на его обещание сотрудничать с ним. Но рассказ об этом событии еще впереди.

В Греции также, в значительной степени благодаря гибкой и дерзкой политике британцев, появился шанс на последовательное урегулирование внутренних противоречий.

Когда итальянцы в Греции капитулировали, большая часть их снаряжения досталась коммунистическим группам Сопротивления. Это нарушило равновесие между двумя главными фракциями и дало коммунистам военное преимущество и шанс занять доминирующее политическое положение. Черчилль с коллегами пришли к заключению, что для спасения ситуации необходим поворот в политике. Они решили: самый лучший способ обеспечить внутреннюю стабильность – уговорить короля согласиться сделать регентом какого-нибудь уважаемого человека, который бы взял в свои руки власть после освобождения. Временным регентом предполагалось сделать Дамаскиноса, архиепископа Афин. Но тот отказался.

Шаткое перемирие, достигнутое в феврале между группами Сопротивления, вскоре нарушилось. Когда в начале марта перспектива ухода немцев казалась уже не столь далекой, коммунистически настроенные элементы учредили Комитет национального освобождения, представляющий прямую угрозу королевскому правительству и его приверженцам. Их поддерживали греческая армия и морские части, находящиеся в Египте. В конце месяца они пытались насильственным путем сместить премьер-министра. Черчилль бросился подавлять этот мятеж. В его послании от 9 апреля Липеру, британскому послу в греческом правительстве в Каире, описывается принцип, который он был готов защищать до тех пор, пока не найдутся люди с разумными политическими принципами и не возьмут на себя управление Грецией: «Наши отношения установлены с законно созданным правительством Греции, возглавляемым королем, которое является союзником Британии и не может быть смещено в угоду моментальному всплеску аппетита амбициозных ничтожеств-эмигрантов».

Но продолжил он так: «Король является слугой своих подданных. Он не претендует на то, чтобы управлять ими. Он беспрекословно подчинится мнению народа, как только будут восстановлены нормальные условия... Когда уйдут немецкие захватчики, Греция сможет стать республикой или монархией, как захочет народ. Тогда почему греки не могут питать ненависть к общему врагу?..»

Пока подавляли этот мятеж, король Греции, подталкиваемый британским правительством, объявил, что в его правительстве произойдут изменения. Папандреу, лидера социал-демократической партии Греции, пригласили на пост премьер-министра нового правительства, которое должно было быть представительным. После заседаний, на которых кипели типичные для Греции политические споры, различные группы согласились войти в его состав и объединиться в борьбе против немцев. Но, забегаю вперед, скажем, что многопартийное правительство в конце концов было создано только в начале сентября, когда в кабинет вошли шесть членов левых партий. Ему не суждена была долгая жизнь.

Во время всех этих событий Рузвельт дал Черчиллю полную свободу действий в улаживании ссор в Греции. Когда они, казалось, были улажены, он выразил удовлетворение. Черчилль очень старался все время держать советское правительство в курсе дел, но Сталин оставался в стороне. Позже Черчилль рассказывал: «Советское правительство ограничилось критикой наших действий, а когда 5 мая в Москве России было сделано формальное предложение о сотрудничестве в делах Греции, нам ответили,

что присоединяться к каким-либо публичным заявлениям по политическому положению в Греции было бы ошибочно».

Видя пассивность Советского Союза, сторонники Черчилля еще решительнее склоняли коммунистов к временному сотрудничеству.

Одной опасностью меньше, коммунистический беспорядок не будет превалировать, с облегчением думал Черчилль. Ведь эта страна была и дорога сердцам британцев, и жизненно важна для их влияния на Средиземном море. Нетрудно понять, почему успешное разрешение беспорядков в Греции породило убеждение в том, что соглашение о разделении ответственности между союзниками стоит больше, нежели какое-нибудь неубедительное обещание решать подобные ситуации только на основе совместного соглашения.

В период, предшествующий началу операции «Оверлорд», члены коалиции вели тайные дискуссии относительно капитуляции двух немецких сателлитов, Румынии и Болгарии. Эти страны находились в обширной области наступления Красной армии, и советское правительство считало себя вправе принимать окончательные решения.

В марте 1944 года, когда Красная армия приближалась к границе Румынии, эмиссары возобновили попытку окольным образом заключить договор о капитуляции. Князь Стирби, бывший высокопоставленный придворный, хорошо известный в Британии, был послан основными оппозиционными партиями в Каир, но, вероятно, с ведома правительства. Но едва начались тайные переговоры, Гитлер пригласил к себе премьер-министра, маршала Иона Антонеску. Слухи об этом вызове через нейтральные каналы дошли до британского правительства, как и сведения о том, что, предвидя решения, которые ему придется принять, Антонеску считает важным знать, что сделают западные союзники для того, чтобы защитить Румынию от наступления Советского Союза. В ответе, полученном 22 марта, прозвучали резкое предостережение против встречи с нацистами, совет капитулировать перед тремя великими державами и не противиться русским войскам и заявление, что условия, которые будут навязаны Румынии, в значительной степени определяются степенью ее вклада в разгром Германии. Но премьер-министр отправился к Гитлеру, еще не получив этого резкого предписания. Он не принял никаких новых обязательств по отношению к Германии, но румынские дивизии продолжали сражаться против русских.

Красная армия собиралась пересечь границу, проходящую по реке Прут, и в нескольких местах войти в Румынию – впервые с тех пор, как Гитлер вторгся на территорию за оспариваемыми границами Советского Союза. Следовательно, советское правительство взяло инициативу в свои руки. 1 апреля оно сообщило британскому и американскому правительствам, что собирается выпустить заявление, информирующее румын о своих намерениях. Оно подтверждало планы Советского Союза вернуть провинции Бессарабию и Буковину, но полное отсутствие притязаний на остальную территорию Румынии. Советское правительство также заявило, что не собирается изменять существующую общественную систему Румынии. И американское, и британское правительство сочли это признание ценным и своевременным и публично одобрили его.

Тогда советское правительство продолжило формулировать условия перемирия, которые оно намеревалось применить к Румынии. Они были довольно мягкими. Румынским войскам предлагалось или капитулировать перед Красной армией, или присоединиться к борьбе Красной армии против немцев. В качестве компенсации за провинции, которые Румыния уступит Советскому Союзу, от Венгрии ей вернется большая часть Трансильвании. Обычная компенсация военного ущерба. Советское правительство не станет настаивать на постоянной военной оккупации Румынии, но потребует лишь, чтобы советским и союзным войскам было позволено свободно передвигаться по стране, насколько это будет необходимо для военных операций. Британское и американское правительство сочли эти условия приемлемыми. Но Черчилль

также предложил, чтобы союзникам было позволено участвовать в дискуссиях по политическим вопросам. Идея была с удовольствием принята. Поэтому еще до середины апреля три основных союзника пришли к соглашению об условиях капитуляции Румынии. 12 апреля эти предложения о перемирии были переданы в Каире Стирби. Но ответ оказался двусмысленным. Румынские части, хорошо обученные и вооруженные, ожесточенно и умело продолжали сражаться против советских войск в Крыму. Советское правительство рассталось как с «несбыточной мечтой» (именно эти слова Молотов использовал 25 апреля в беседе с Гарриманом) с мыслью, будто за капитуляцией в Румынии последует мятеж.

После этого театр военных действий на несколько месяцев стабилизировался, так как Советский Союз готовил наступления севернее, во взаимодействии с операцией «Оверлорд». Румынское правительство не видело никаких шансов разобщить союзников и тем самым добиться более приемлемых условий, а также увлечь британское и американское правительства перспективой защищать Румынию от двух опасностей, которые она на себя навлекла: репрессий со стороны немцев и советского диктата. Король и оппозиция пытались подготовить летом переворот в Румынии и принятие апрельских условий. Но союзники ждали, пока события сделают повиновение неизбежным. До августа никаких решающих событий не произошло.

Болгария тоже не желала капитулировать. Сражаясь на стороне Германии, она не стала все же воевать против Советского Союза. Но болгарские войска помогали немцам контролировать Балканы и удерживали турок от присоединения к союзникам. В конце 1943 года София и другие болгарские города подверглись жестокому американскому и британским бомбардировкам в качестве побуждающего мотива к капитуляции. Когда их попросили остановиться, союзники заявили болгарскому правительству, что если оно хочет спастись, то лучше послать секретную миссию в Каир или на Кипр и там обсудить условия.

В последующие месяцы все гадали, станет ли Болгария стремиться к капитуляции, если будет заранее знать цену этого акта. Но в марте советское правительство воспрепятствовало формулированию условий перемирия на том основании, что вопрос не срочный, а ситуация еще не так уж благоприятна. Части Красной армии находились еще достаточно далеко от Болгарии, и, вероятно, советское правительство полагало, что, когда они подойдут ближе, оно будет в состоянии дать более авторитетный совет союзникам, как поступить с этой страной.

Тем членам болгарского правительства, которые хотели отмежеваться от немцев, всячески препятствовали. Болгарские войска продолжали поддерживать Германию. В ответ на протесты Советского Союза, что подобное поведение несовместимо с нормальными отношениями и совершенно недопустимо, болгарское правительство не извинилось перед Москвой и не привело никаких оправданий. Вот конец его ответа советскому правительству от 24 апреля: «В заключение болгарское правительство считает необходимым еще раз заявить, что оно никоим образом не изменило своих отношений с Советским Союзом по сравнению с теми отношениями, которые были 1 марта 1941 года, когда Болгария присоединилась к трехстороннему договору, а Советский Союз и Германия были связаны другим договором».

Ситуация оставалась неясной до осени, когда Красная армия уже подошла к границам и угрожала вступить на территорию страны.

Идея разделения зон ответственности в малых странах Центральной Европы

Опыт показывал, как сложно применять правило всеобщего согласия к каждой из этих нестабильных ситуаций. А решения не могли ждать вечно. Короче, дипломатические методы оказались несовершенными и неподходящими – неудобными для войны и

неэффективными для мира. Перед дипломатами и военными встал вопрос, является ли договор, согласно которому тот или иной союзник обладает доминирующей властью в каждой из этих ситуаций, разумным способом положить конец разногласиям.

Страх, что советское правительство будет стремиться навязывать в Восточной и Центральной Европе свою волю, когда Красная армия займет эти регионы, подталкивал к действиям. Эта тревога выразилась в записке, которую Черчилль 4 мая направил Идену:

«Следует составить для кабинета, а вероятно, и для имперской администрации документ, в котором бы кратко излагались острые разногласия между нами и советским правительством, возникшие в Италии, Румынии, Болгарии, Югославии и особенно в Греции... Основной вопрос заключается в следующем: собираемся ли мы дать свое молчаливое согласие на установление власти коммунистов на Балканах и, вероятно, в Италии?.. Я придерживаюсь мнения, что нам следует сделать твердые выводы по этому вопросу, и, если мы решим сопротивляться вторжению и распространению коммунизма, это надо им ясно показать, как только позволит военная ситуация. Но прежде всего надо посоветоваться с Соединенными Штатами».

Возможно, однако, пока разрабатывалось новое предложение относительно соглашения, лидеры союзников остерегались раскрывать свои карты. На следующий день, 5 мая, британское правительство через свое посольство в Москве обратилось к советскому правительству с официальным предложением сотрудничества в делах Греции. В этот же самый день, беседуя с Гусевым в министерстве иностранных дел в Лондоне, Идеи намекнул, что советское правительство вполне может предоставить Британии управление ситуацией в Греции, пока там еще продолжается борьба, а Великобритания вполне может предоставить советскому правительству управление ситуацией в Румынии на период военных действий в этой стране. Позже министерство иностранных дел назвало это предложение бесцеремонным. Так это было или нет, советское правительство отнеслось к нему со вниманием. 18 мая Гусев ответил министерству иностранных дел: советское правительство благосклонно относится к этой идее, но прежде, чем претворять ее в жизнь, хотело бы знать, согласован ли этот вопрос с американским правительством.

30 мая британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс поинтересовался у Хэлла, как американское правительство отнеслось бы к подобному соглашению. В представленном им меморандуме подчеркивалось, что указанное соглашение будет действовать только в период войны и не коснется прав и обязанностей каждой из трех великих держав, зафиксированных в мирном договоре. Предложение оскорбляло убеждения Хэлла. Он предвидел, что даже такое временное рабочее соглашение может превратиться в договоренность о сферах влияния, подобную тем, что в прошлом всегда являлись причиной конфликта. Поэтому государственный секретарь энергично возражал. И он продолжал возражать, невзирая на довод, что нет никакой практической альтернативы и текущие проблемы доказывают бесполезность объединенной консультации. Да и тот факт, что президент по-прежнему не хочет вмешиваться в проблемы Польши и Балкан, по крайней мере до тех пор, пока не пройдут выборы, не казался ему причиной для отказа менять свою точку зрения. В своем ответе Галифаксу Хэлл, как он вспоминал позже, сказал, что, по его мнению, «...отказаться от наших широких, основополагающих деклараций политики, принципов и практики было бы сомнительным. Если они вытекают из одного или двух важных примеров, таких, как Вы указываете, тогда ни одна из стран-участниц не будет ни иметь прецедента, на котором можно настаивать, ни каких-либо стабильных правил, которым можно подчиняться и настаивать, чтобы им подчинялись и другие правительства».

Черчилль напрямую обратился к Рузвельту. В послании от 31 мая он ссылаясь на тревожные признаки расхождения в политике между британцами и русскими в отношении Балканских стран, особенно Греции. Он выразил надежду, что президент одобрит

предложение, как «практичное», и добавил: «Разумеется, мы не хотим делить Балканы на сферы влияния и, соглашаясь на урегулирование, должны ясно дать понять, что оно применимо только в условиях войны и не влияет на права и обязательства, которые каждой из трех великих держав придется осуществлять во время мирного урегулирования и впоследствии по отношению ко всей Европе. Урегулирование, разумеется, не будет включать в себя каких-либо изменений в нашем нынешнем сотрудничестве в формулировании и выполнении союзной политики в отношении этих стран».

Этот путь, вероятно, казался премьер-министру наиболее естественным, поскольку в ходе переговоров между ним и президентом по зонам оккупации в Германии Рузвельт повторял, что американское правительство не хочет играть никакой роли в этом регионе, как во время войны, так и после нее. В меморандуме Стеттиниусу от 21 февраля 1944 года и в неоднократных обращениях к британцам президент заявлял: «Я не хочу, чтобы Соединенные Штаты взвалили на себя бремя послевоенных преобразований во Франции, в Италии и на Балканах. Это не является для нас естественной задачей – на расстоянии 3500 или более миль. Это определенно задача британцев, в решении которой они гораздо больше заинтересованы, чем мы».

Президент обратился к Государственному департаменту с поручением составить ответ на обращение премьер-министра. Пока поручение выполнялось, 8 июня пришло еще одно послание от Черчилля, где он снова отрицал существование проблемы сфер влияния: «Мы должны действовать все вместе, но кто-то должен нас направлять». Далее он утверждал, что считает разумным, чтобы русские имели дело с румынами и болгарями, так как их войска «посягнули» на эти страны, а Британия – с Грецией и Югославией. Он заметил, что, по его мнению, «в эти времена для страны не может быть судьбы хуже, чем подчиняться решениям, переданным по испорченному телеграфу». Последняя фраза была особенно убедительной: «С другой стороны, мы, насколько возможно, принимаем лидирующую роль Соединенных Штатов в Южной Америке, до тех пор пока вопрос не касается наших кровных дел. Естественно, мы вырабатываем собственную точку зрения на этот вопрос на основании того малого, что имеем».

Содержащийся в послании Черчилля намек на то, что соглашение также должно касаться Болгарии и Югославии, не остался без внимания. Хэлл счел необходимым безотлагательно возразить на него. Президент в своем ответе премьер-министру от 10 июня привел те же доводы, что и Хэлл. В ответе на жалобы премьер-министра по поводу сложности достижения совместных решений президент заметил: лучше было бы выработать механизм консультаций для выяснения «недоразумений» и сдерживать любые порывы установить сферы влияния.

Суть ответа Черчилля была следующей: «Если каждый будет советоваться со всеми прежде, чем что-либо предпринять, наступит паралич действий. В этих балканских регионах наступление события всегда будет опережать анализ меняющейся ситуации. Кто-то должен взять на себя ответственность и принимать меры». Упомянув о событиях в Греции, он сказал, что, если бы при этом кризисе они занялись сложными консультациями, в результате получился бы хаос; вместо этого, слаженно и гибко работая вместе, они с Рузвельтом сделали большое дело. Затем премьер-министр спросил: «Почему такое эффективное управление должно нарушаться комитетами из чиновников средней руки, подобными тем, что мы насаждаем по всему миру?» Он счел вполне естественным, что Россия, которая имеет в Румынии большое влияние, должна играть там лидирующую роль, и она, вероятно, в любом случае добьется этого. В конце он попросил дать предложению испытательный срок в три месяца, после чего три державы его пересмотрят.

Хэлл на несколько дней уехал из Вашингтона. Рузвельт воспользовался его отсутствием и рискнул действовать без его совета. 12 июня он информировал Черчилля, что согласен на этот короткий испытательный срок, добавив: «Мы должны осторожно дать им понять, что не устанавливаем никаких послевоенных сфер влияния». Он отправил

это послание, не посоветовавшись с Государственным департаментом и не известив Хэлла, когда тот вернулся в Вашингтон. Это вызвало замешательство и возбуждение.

Дело в том, что в тот же день Государственный департамент вручил британскому послу в Вашингтоне меморандум, который, как он полагал, президент предварительно одобрил и в котором снова перечислялись наши протесты.

Потом, 17 июня, по-прежнему не зная о послании Рузвельта к Черчиллю, Хэлл написал президенту, что, по его мнению, сейчас еще важнее, чем прежде, оспорить соглашение, поскольку в него, по-видимому, следует включить Болгарию и Югославию. Вместе с этим письмом он представил на рассмотрение текст другого послания, которое Рузвельту предстояло отправить Черчиллю. То, что произошло позже, не поддается никаким объяснениям. Президент, вероятно огорченный возникшим недоразумением, чтобы успокоить Хэлла, направил Черчиллю послание противоположного смысла. В нем он не только повторял обвинение в ошибочной политике, но и жаловался на британцев, поделившихся своей идеей с русскими, не выяснив предварительно нашего мнения по этому вопросу и так и не узнавших бы его, если бы русские не попросили их получить наше одобрение.

Британское правительство на самом деле, получив более ранний ответ президента, тотчас же сообщило русским, что принимает на себя основную долю ответственности. Черчилль понял это второе «несчастливое послание» так, что Рузвельт действительно расстроен необходимостью уступить; поэтому в следующем послании, отправленном 23 июня, он потрудился снова представить ситуацию таким образом, как он ее видел. Снова обрисовав оправдания своего шага, он в конце мягко заметил, что во всех этих ситуациях он просто борется за то, чтобы преобразить хаос в порядок, и постоянно держит президента в курсе дела. 27 июня президент дал простой дружеский ответ, и, казалось, их переписка по этому вопросу временно закончилась.

Но тогда и раздался голос советского правительства. Оно напрямую справилось у американского правительства о предложенном соглашении, прежде чем скрепить его печатью. Черчилль спорил со Сталиным, как и с Рузвельтом, сказав ему 11 июля: «Я хотел бы спросить, не согласны ли вы с тем, чтобы этот план был испробован в течение трех месяцев. Никто не сможет сказать, что он затрагивает будущее Европы или разделяет ее на сферы. Но мы можем обеспечить ясную политику в каждом районе, и мы будем сообщать другим все, что мы делаем. Однако если вы сообщите мне, что это безнадежно, я не истолкую это в дурном смысле».

15 июля Государственный департамент информировал советское правительство, что он уже согласился на трехмесячный испытательный срок, как полезный для военной стратегии, но это может привести к разделению Балканского региона на сферы влияния, и его это тревожит. Он выразил надежду, что не будет принято никаких мер, которые причинили бы вред сотрудничеству или были бы направлены против более широкой системы общей безопасности. Этот холодный ответ, может быть, побудил Сталина принять предложенный план. Затем, поскольку русские начали поддерживать коммунистические группы сопротивления в Греции, Черчилль на время затих.

Свою позицию относительно неожиданно возникающих ситуаций в Центральной и Восточной Европе американское правительство объясняло британцам и русским так:

1) в настоящее время американское правительство не считает нужным вмешиваться во внутренние дела этих стран и принимать решения об их границах;

2) оно против любого соглашения, которое устанавливало бы отдельные сферы влияния в этом регионе;

3) оно хочет, чтобы эти проблемы решались путем консультаций и совместных соглашений, основанных на некоторых общих принципах, подтвержденных в Москве;

4) все заинтересованные страны должны оставить свои притязания, основанные только или в значительной мере на их потребности в безопасности, а вместо этого приложить усилия к созданию будущей системы коллективной безопасности.

Черчилль, наоборот, утверждал: в некоторых из этих ситуаций, чтобы предотвратить гражданскую войну, хаос и беспорядки, которые влечет за собой коммунизм, важнее всего действовать твердо и не тратить драгоценное время на консультации; и при любых событиях вполне вероятно, что союзники, чьи войска сражаются в стране, будут господствовать на ее территории. Сталин не предлагал ничего; он, казалось, хотел или заключить сделку, или положиться на способность Советского Союза позаботиться о том, чтобы его интересы не пострадали.

Американское правительство отклонило не только любые соглашения, разделяющие мир или какую-либо его часть на отдельные сферы влияния, но и военные планы, обеспечивающие подобное разделение. Оно не хотело продолжать войну и терпеть потери. Кроме того, было в высшей степени сомнительно, смогут ли американцы и британцы остановить Советский Союз, если он действительно решит господствовать в Восточной и Центральной Европе. Скорее наоборот: оно считало, что военные меры политического значения, возбудив недоверие Советского Союза, заставят его усилить контроль и снова оказаться в изоляции. Поэтому американские власти не станут использовать свою армию, флот и воздушные силы в качестве средства воздействия на дипломатию. Вопрос о действиях американского правительства будет обсужден в ходе дискуссии о стратегии в Европе после вступления союзнических войск на континент.

Южная Франция или Италия и юго-восток?

Как только был взят Рим и плацдарм на севере Франции, Черчилль вновь поднял вопрос, продолжать ли запланированную высадку на южных берегах Франции (кодовое название «Драгун», позже измененное на «Энвил»). Он полагал, что новое название уместнее, так как его вовлекли в эту операцию силой. Эта операция, напомним, была отложена, чтобы обеспечить широту и мощь высадки в Нормандии и не ослаблять войска, оставшиеся в Италии. Однако недалек был тот час, когда, если не будет отменен прежний приказ, для этой операции необходимо будет отвлечь десантные суда от «Оверлорда» и дивизии от войска, находящихся в Италии. Не лучше ли, вопрошал премьер-министр, использовать эти боевые ресурсы против Германии не в ходе операции «Драгун», а в другом месте и иначе?

В начале июня Черчилль и британские начальники штабов набросились с этим вопросом на своих американских коллег и прекратили возникший в результате спор только за четыре дня до высадки на юге Франции. Они были убеждены в неэффективности операции «Драгун». Основываясь на оценках генерала Александера, они утверждали, что теми же средствами в Италии можно сделать такой мощный бросок вперед, что немцы будут вынуждены кинуть в прорыв дивизии, предназначенные для военных действий во Франции, и можно будет, осуществив высадку через Адриатику, двигаться по направлению к Вене и Венгрии. Они думали, что, когда будет осуществлено вторжение на полуостров Истрия, можно будет организовать крупное воинское соединение во взаимодействии с партизанскими группами Сопротивления в этом регионе, и немецкие силы там, во вражеской стране, окажутся в очень невыгодном положении. Это наступление с третьего направления, набирающее силу и имеющее целью соединение с советскими войсками, вызовет у немецких сателлитов потрясение и приведет всю немецкую оборону в полный беспорядок.

14 июня Объединенный комитет решил, что кампании в Италии должны быть предоставлены все средства, которые понадобятся для окончательного разгрома немецких сил южнее линии Пиза – Римини. Но в то же время штаб был настроен продолжать подготовку высадки примерно трех дивизий на Средиземном море приблизительно 25 июля. Место проведения этой операции предстояло определить позже; это могли быть и Южная Франция, и Юго-Западная Франция, и север Адриатики.

Генерал Маршалл находился в Англии, наблюдая за развитием боевых действий в

Нормандии. 16 июня он вылетел в штаб генерала Уилсона, чтобы побеседовать с командующими средиземноморскими силами. Уилсон оказался огорчен перспективой расформирования объединенных войск и объединенных тактических воздушных сил в Италии ради высадки на юге Франции. Он настаивал, что «Драгун» нельзя начинать по крайней мере до 15 августа, поскольку войска в Италии будут так вымотаны, что, может быть, не смогут даже дойти до линии Пиза – Римини; а если им это не удастся, у немцев появится хороший шанс сделать передышку, произвести перегруппировку и еще неопределенное время продержаться. Он предложил, чтобы союзники прорвали линию Пиза-Римини, дошли до реки По, а затем двигались к Южной Венгрии через Люблянское ущелье, где к ним присоединится десант, высаженный на полуострове Истрия. Генерал Александер с ним согласился. Он полагал, что сможет осуществить это крупное наступление, если его не лишат тех пяти или семи дивизий, предназначенных для участия в «Энвиле» («Драгуне») в качестве резерва.

Генерал Марк Кларк, командующий американскими силами, сражающимися в Италии, также поддерживал это предприятие. Однако он полагал, что французские контингенты в Италии можно сохранить для наступления на юге Франции и их, вместе с другими французскими дивизиями на Корсике и в Северной Африке, будет достаточно для проведения этой операции.

Позже он писал: «Я твердо убежден, что французские войска, вместе с семью дополнительными дивизиями, смогли бы захватить Марсель, защитить южный фланг генерала Эйзенхауэра и, продвинувшись по долине Роны, соединиться с основными силами „Оверлорда“. 6-й американский корпус, с тремя его дивизиями, мог бы тогда остаться в Италии. Стремительное наступление в Италии не было бы проиграно, и мы смогли бы двигаться к Балканам». Генерал Кларк рассказывает, что он обсуждал эту идею с генералом Маршаллом во время своего визита в июне 1944 года. Маршалл отказался менять план. Для проведения операции высадки на юг Франции к концу июля были переброшены весь 6-й корпус и французские экспедиционные силы, сражающиеся в Италии.

Но Маршалл не согласился с приведенными аргументами. В качестве причины нежелания обсуждать ситуацию на Адриатике он заметил, что немцы в Италии могут отойти к Альпам и избежать борьбы в долине реки По; а сделав это, они вполне смогут, не перебрасывая войска с других фронтов, предотвратить прорыв к Австрии или Венгрии, и, таким образом, отчаянные усилия союзников в Италии окажутся тщетными. Настаивая на чрезвычайной важности высадки на юге Франции, он подчеркнул настоятельную нужду еще в одном порте, где американцы могли бы высаживать многочисленные дивизии, ожидающие в Соединенных Штатах переброски через Атлантику. Эйзенхауэр твердо придерживался того же мнения.

Объединенный комитет начальников штабов снова принял решение в пользу высадки на юге Франции и выступил против предложений предоставить ресурсы на Средиземном море для любой будущей операции в Северной Италии или в Балканском регионе. Черчилль, и не без основания, счел тон этого решения «своевольным». Поэтому он попросил президента быть третейским судьей. В серии посланий, начиная с 25 июня, он снова пытался обратить Рузвельта в свою веру, убеждая его, что было бы как бессмысленно, так и глупо «...рушить все надежды на основную победу в Италии и на всех ее фронтах... ради „Энвила“ со всеми его недостатками...». Поэтому он просил не лишать войска в Италии большей части сил, необходимых там для разгрома вражеских войск. Это все, чего он тогда просил. Но он, наверное, полагал, что если американцы удовлетворят его просьбу, то вскоре станет ясно: вторая высадка во Франции не главное; а потом по взаимному согласию дивизиям будет очищен путь через Адриатику.

Ответ Рузвельта от 28 июня был, по выражению Черчилля, «быстрым и враждебным». Он по-прежнему считал, что планы раннего наступления на юге Франции, предусмотренные в Тегеране, лучше помогают понять цель – безоговорочную

капитуляцию Германии. Затем он напомнил: в Тегеране Сталин также поддерживал «Энвил» и выступал против остальных операций на Средиземном море, поэтому от этой операции нельзя отказаться, не посоветовавшись с ним. По поводу предложений британских командующих, которые ему передал Черчилль, он заметил, что, по его мнению, в них не учтены ни большая продолжительность кампании по выходу из Люблянского ущелья в Словению и Венгрию, ни трудности поставок. По этим причинам президент решительно заявил: «Я не могу согласиться на использование войск Соединенных Штатов против Истрии и для вторжения на Балканы и не вижу, чтобы французы согласились на подобное использование французских частей». В конце своего послания он добавил: «Из чисто политических соображений я бы никогда не пережил даже легкой неудачи в „Оверлорде“, если бы стало известно, что очень крупные силы были переброшены на Балканы». Примечательно, что в более позднем рассказе Черчилля об этом обмене посланиями чувствуется негодование неправильным пониманием и недооценкой президентом сделанных ему предложений. «Ни один, – писал он, повторяя ответ на послание Рузвельта от 1 июля, – из участников этих дискуссий никогда не думал о переброске войск на Балканы, но Истрия и Триест были стратегическими политическими позициями, которые, как президент очень ясно увидел, могут иметь огромное значение, особенно после русских наступлений».

Суждения премьер-министра, может быть, отчасти вызваны верой, что послание президента, полученное 29 июня, является ответом не только на его [Черчилля] первое послание от 25 июня, но также на длинное и сдержанное изложение его целей, посланное им президенту 28 июня. Но вероятно, президент не читал этого последнего изложения точки зрения прежде, чем одобрить ответ Черчиллю, подготовленный Военным департаментом.

Как бы то ни было, только что процитированное заявление Черчилля озадачивает. Не может быть никаких сомнений в том, что британские командующие и британские начальники штабов в самом деле настаивали, чтобы после вступления в долину реки По значительные силы были посланы на восток в сторону полуострова Истрия, а затем на север, через Люблянское ущелье к Венгрии или Вене.

В посланиях, в которых премьер-министр просил президента самому пересмотреть спорный вопрос, он не отстаивал эти предложения напрямую или специально. Как было сказано, он лишь попросил «...отдать справедливость огромным возможностям средиземноморских командующих». Но можно ли упрекнуть президента за предположение, что Черчилль глубоко замыслил не только захват полуострова Истрия, но и дальнейшее продвижение через северо-восточный угол Югославии к Австрии и равнинам Венгрии?

Вероятно, американцы, включая и президента, неправильно истолковали фразу «на Балканы». Она, возможно, подтверждает, что не существует никакого военного плана вступления на Балканы; что продвижение в Австрию или Венгрию через Люблянское ущелье проходит в стороне от Балкан. Короче, может быть так, что Черчилль не отрицал своих стратегических намерений, но с негодованием отклонил фразу «на Балканах», которую американцы, похоже, твердо решили прикрепить ко всем предложениям британцев по продвижению на восток.

Тут уместно заметить, что, если была бы предпринята какая-либо операция с полуострова Истрия в направлении Австрии или Венгрии, она столкнулась бы с серьезными местными трудностями – не только оперативными, но и политическими. Британские командующие, похоже, благодушно предполагали, что Тито хотел бы, чтобы его силы сотрудничали с союзным командованием и подчинялись ему. Это было, вероятно, невозможно.

Если в июне и июле, пререкаясь с американцами, Черчилль спокойно относился к этим возможным трудностям, то вскоре они начали его тревожить. Он пытался рассеять свою тревогу, встретившись 12–13 августа в Неаполе с Тито. В меморандуме,

представленном Тито британским военным штабом, предлагалось передать в управление союзному командующему всю территорию, находившуюся в начале войны под контролем итальянцев, если союзные войска войдут в Северную Италию, Австрию или Венгрию. Кроме того, союзные войска будут контролировать порт Триест и линии коммуникации в направлении к Вене и венгерским равнинам, а также в Любляну, Марибор (в Югославии, Словении) и Грац (в Австрии). Тито возразил, заметив, что, поскольку его партизаны уже контролируют некоторые из этих территорий, они должны, по крайней мере, управляться согласованно. Шубашич, новый премьер-министр королевского правительства Югославии, придерживался того же мнения. Позже, как еще будет рассказано, спор между западными союзниками и Тито только обострился.

Но пока этот спор еще не возник. Напомним, после последней попытки получить передышку Черчилль и британские начальники штабов перестали сопротивляться «Драгуну» и смирились с переброской дивизий из Италии. 1 июля Черчилль сказал Эйзенхауэру, что он одобряет план по Южной Франции. На следующий день Объединенный комитет дал генералу Уилсону указание приложить все возможные усилия для наступления на Марсель силами трех дивизий, увеличенными к середине августа до по крайней мере десяти дивизий. Для выполнения уже существующей директивы, учитывая операции в Италии, ему предложили использовать все доступные на Средиземноморье ресурсы.

Когда в июле силы союзников прорвались сквозь немецкие линии в Нормандии, тем самым открыв перспективу быстрого получения контроля не только над Нормандией, но и над всей Бретанью, британцы заговорили об изменении плана. Черчилль настаивал, чтобы направление десантной операции было перенесено с юга Франции куда-нибудь к полуострову Бретань и ближе к главной битве – Бресту, Лориану или Сен-Назеру. Но ни Эйзенхауэр, ни Объединенный комитет начальников штабов не соглашались. Фактически все эти три порта стойко удерживались специальными немецкими гарнизонами и почти наверняка будут взорваны еще до того, как их захватят. Поскольку Рузвельт совершал поездку по Тихому океану, Черчилль направил Гопкинсу окончательное послание, в котором просил повлиять на генерала Маршалла. По его мнению, соотношение между численностью армий на Брестском и Шербурском полуостровах и войск, сражающихся за Тулон и Марсель, неправильно; и он печально и ошибочно предсказал, что «Драгун» в течение девяти дней не сможет повлиять на ход операции, проводимой Эйзенхауэром. Гопкинс ответил: по различным практическим причинам в ходе операции будет почти невозможно захватить бретонские порты, и он уверен, что результатом «Драгуна» станет сокрушительная победа.

После того как Рузвельт подтвердил это мнение, премьер-министр сдался, сказав: «Я молю Бога, чтобы вы оказались правы. Мы, конечно, сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам добиться успеха». Но премьер-министр был задет серией отпоров и опечален тем, что он считал величайшей ошибкой. Эйзенхауэр 9 августа провел с ним наедине вечер на Даунинг-стрит. Черчилль пожаловался, что американское правительство не хочет понять позицию британцев и безразлично к итальянской кампании. Эйзенхауэр нашел его «возбужденным, расстроенным и даже подавленным». Черчилль, похоже, полагал, что неудача мощного итальянского наступления повлияет на успех его военного руководства. «Я могу, – серьезно сказал он, – отказаться от своей высокой должности». Верховный командующий пытался отвести от себя упреки, заметив, что, если у премьер-министра имеются политические причины для поддержки кампании на Балканах, они должны быть представлены президенту: что он, как военачальник, охотно изменил бы свой план, если бы политические цели были первостепенны; но из военных соображений он не может этого сделать. И не сделал.

Что же касается подозрений Эйзенхауэра, будто стратегические предложения Черчилля могут быть инспирированы политическими целями, надо заметить, что на постоянном этапе дискуссии ни Черчилль, ни его коллеги никогда открыто в этом не

признавались. Однако Черчилль не скрывал своей тревоги, что там, где появится Красная армия, будет насаждаться коммунизм, и можно смело предположить: кроме военных побед, которые принесет ввод западных войск в Югославию, Австрию и Венгрию, их присутствие в этих странах окажется ценной и разумной мерой предосторожности.

Можно спросить: почему, если у него была эта цель, он и его коллеги не сказали об этом откровенно, хоть и конфиденциально, американцам? Предположения тут могут быть самыми разными. Высшие американские военачальники – генералы Маршалл, Кинг, Эйзенхауэр – воздавали должное идее, согласно которой, строя военные планы, их уступка, их единственная уступка поможет выиграть войну как можно скорее и с наименьшими потерями. Они хотели сделать все для выполнения своей цели и не хотели делать ничего, что могло бы им помешать. Зная о таком отношении, Черчилль, возможно, чувствовал: отстаивание военных планов на иной основе, кроме военного преимущества, безусловно, возбудит оппозицию и уничтожит шанс получить справедливый вердикт. Далее, он, наверное, сознавал, что Гарри Гопкинс и президент также склонны истолковывать его интерес в судьбе Южной и Юго-Восточной Европы как чисто британский, а не всеобщий. Но, повторим, все это лишь предположения. Спор шел только о том, что лучше сделать «...для более успешного ведения войны».

Черчилль был не тот человек, чтобы долго испытывать недовольство по поводу подобных разногласий. А Эйзенхауэр был признанным победителем. Поэтому летнее напряжение из-за стратегии после «Оверлорда» не повлияло на дружбу и взаимное уважение между премьер-министром, генералом Эйзенхауэром, Маршаллом и президентом. Но сожаление и чувство, что совершена ошибка, не исчезли даже после того, как операция «Драгун» оказалась более легкой и эффективной, чем предполагал британский штаб. Не прошло оно и после того, как выяснилось, что войска, оставшиеся в Италии под командованием Александера, как утверждал президент, достаточно сильны, чтобы продолжать гнать немцев к северу и через реку По. Поэтому, когда советские власти, вместе со своими местными соратниками-коммунистами, стали устанавливать коммунистический контроль в Центральной и Юго-Восточной Европе, Черчилль поспешил уехать из Италии на восток. На эту тему мы еще поговорим.

Применять ли принцип безоговорочной капитуляции?

События, военные или политические, которые мы рассмотрели, столкнули союзников лицом к лицу с вопросом, настаивать ли на формуле «безоговорочная капитуляция» или быть более покладистыми в проведении своей политики.

В Тегеране, где, напомним, Сталин всех поставил в тупик суровым отношением к Германии и немцам, он тем не менее поинтересовался, разумно ли, в качестве военной меры, оставить принцип безоговорочной капитуляции во взвешенном состоянии. Он полагал, что отсутствие объяснения немцам их перспектив послужит объединению немецкого народа; в то же время он чувствовал: если им сказать, что с ними будет сделано, пусть даже в резкой форме, день капитуляции наступит скорее. Краткий отчет оставляет место для размышления, действительно ли он хотел откровенно рассказать немцам о мерах, которые должны быть приняты для того, чтобы Германия больше не могла подняться и воевать. Из доступных стенограмм разговора не становится ясно, что Черчилль и Рузвельт думали о точке зрения Сталина по этому вопросу или что они по этому вопросу говорили.

Главные дискуссии по договору о Германии проводились трижды. Первый раз на обеде, устроенном президентом Рузвельтом 28 ноября, и после него. Президент ушел раньше, оставив Сталина с Черчиллем продолжить разговор после его ухода. Второй раз – во время частной беседы президента со Сталиным 29 ноября. И в третий раз на обеде, устроенном Сталиным 29 ноября. В американских отчетах об этих разговорах, которые

мне довелось видеть, не упоминается о какой-либо интерпретации формулы безоговорочной капитуляции. Рузвельт, как будет сказано в тексте, не помнит, чтобы эта тема когда-либо обсуждалась в его присутствии. Но и Черчилль, и Иден вспоминали, как Сталин упоминал об этом при Рузвельте за обедом 29 ноября – после того, как Сталин поддержал в разговоре ликвидацию по крайней мере 50 000, а вероятно, и 100 000 высших немецких офицеров.

Поскольку вопрос, обсуждалось ли это тремя лидерами в Тегеране, не имеет особенного значения, я воздерживаюсь от пересказа дальнейших деталей или ситуаций.

Во всяком случае, вопрос повис в воздухе. Так и должно было случиться. Ведь все три правительства тогда пребывали в неуверенности и вовсе не придерживались единого мнения по вопросу, что следует делать с Германией и немецким народом. Но британские официальные лица считали предмет достойным внимания. Поэтому после Тегерана они заговорили о составлении условий, которые должны быть объявлены немецкому народу или в виде особого определения, или вместо требования о безоговорочной капитуляции. Государственный департамент 22 декабря получил меморандум от Департамента иностранных дел, в котором, ссылаясь на разговор в Тегеране, предлагалось дать указание Европейской консультативной комиссии разобраться в этом вопросе. Хэлл попросил Рузвельта посоветовать, что ответить. Президент ответил короткой запиской: «По-моему, Уинант и Черчилль должны взяться за это, как только последний вернется. В Тегеране в моем присутствии этот вопрос никогда не поднимался».

24 декабря Хэлл дал Уинанту те же указания. В тот же самый сочельник в своем обращении к нации по радио президент попытался объяснить, как этот принцип может повлиять на врага. Он сказал: «Объединенные Нации не намерены поработать немцев. Мы желаем им нормально развиваться в мире, как полезным и уважаемым членам европейской семьи».

В психологической войне правда и неправда переплелись в один узел. К кому обращался президент? Дадут ли немцам условия, которые имел в виду Сталин, «нормально развиваться в мире»? Можно ли верить этому?

Черчилль, по-видимому, тоже решил, что ему в данный момент нечего сказать. В объяснительной записке своим коллегам от 14 января, суммируя все наказания и ограничения, заготовленные для Германии, пусть и не совсем определенные, он сделал вывод: «По крайней мере, выше приведено достаточно доказательств того, что честное заявление, касающееся будущего Германии, не обязательно ободряюще подействует на немецкий народ и что люди, умиротворенные словами президента, возможно, предпочтут „безоговорочной капитуляции“ более неясное, мучительное будущее».

22 января премьер-министр счел необходимым заявить о своей политике в палате лордов. Его замечания были такими же общими, как и выступление Рузвельта в сочельник по радио: «Термин „безоговорочная капитуляция“ не означает, что немцы как народ будут поработаны или уничтожены. Однако он означает, что в момент капитуляции союзники не будут связаны с ними каким-либо договором или обязательством... Безоговорочная капитуляция означает, что победители получают полную свободу действий. Это не значит, что они имеют право вести себя наподобие варваров или хотят отгородить Германию от остальных наций Европы».

Можно заметить, что обращение немцев, отступающих перед русскими войсками, с покоренными народами, узниками и беженцами вовсе не подтверждало их право на хорошее отношение и выживание как единой нации. Идея суровой справедливости столкнулась с инстинктом милосердия, а страсть ненависти – с учением о прощении.

Итак, от намерения сообщить об определенных условиях для Германии на некоторое время отказались. Но вопрос об обхождении с сателлитами возник снова. Финны принялись обсуждать возможное перемирие с русскими. Советское правительство готово было предложить им условия заключения мира. Узнав об этом, Идеи посоветовал

американским и советским властям, как следует поступить с остальными государствами-сателлитами. В меморандуме, переданном Галифаксом Хэллу 20 марта, он намекнул, что борьба, которую еще ведут эти страны, может ослабнуть, если тайно или открыто отказаться от принципа безоговорочной капитуляции; а их уступчивость может быть ускорена, если им сказать, как сказали итальянцам, что за вклад в разгром Германии они будут вознаграждены. Более того, он заметил, что с целью облегчения капитуляции необходимо провести дискуссию по таким вопросам, как военное сотрудничество и границы. Как стало известно несколько дней спустя, советское правительство согласилось с рекомендациями Идена.

Государственный департамент и Военный департамент всерьез склонялись к тому, чтобы действовать сообща. Во время консультации они подготовили текст совместного заявления, адресованного Румынии, Болгарии и Венгрии. Безоговорочная капитуляция в нем не упоминалась. По существу, этих сателлитов просили тотчас же выйти из войны; их заверяли, что чем скорее они это сделают, тем меньше пострадают; и предупреждали, что чем дольше они будут сражаться, тем более суровые условия будут им предъявлены. Все это было довольно неопределенно, но заявление давало почву для переговоров – в сравнении с московской Декларацией четырех наций, по которой к сателлитам безоговорочная капитуляция применялась точно так же, как и к Германии.

Но, изучив временный план и снова выслушав пропагандистские выступления, служащие военным целям, президент решил воздержаться даже от таких расплывчатых обещаний. Поэтому, когда 25-го числа Хэлл передал ему предложение Идена с рекомендацией согласиться с ним, президент немедленно заметил: «По-моему, было бы ошибкой отказаться или сделать оговорку по поводу слов „безоговорочная капитуляция“». Италия, утверждал президент, капитулировала безоговорочно, но ей, в качестве милости, были предоставлены многие привилегии. То же самое можно будет сделать в случае капитуляции Болгарии, Румынии, Венгрии или Финляндии. Он снова сослался на то, что Ли принял безоговорочную капитуляцию и за этим последовал великодушный ответ Гранта. Его замечания кончаются так: „Именно этот дух я хочу видеть за границей. Но к Германии он неприменим. Германия понимает только один язык“. С этим ответом он также отправил Хэллу копию послания Идена, написав на ней: „Нет. Британское министерство иностранных дел всегда было за это, и это неприемлемо“.

Хэлл, сомневаясь в решении президента, 4 апреля написал ему о своих опасениях, что СССР не поймет, почему с Румынией мы не можем поступить так, как поступили с Финляндией. Поэтому, полагал он, русские могут обвинить нас в усложнении Советскому Союзу военной задачи. Президент был болен, но отправил Хэллу ответное послание, в котором просил любой ценой не допустить, чтобы им было сказано, что от принципа безоговорочной капитуляции отказались и существует реальная опасность, что от него откажутся, если мы будем делать исключения. „Я прекрасно понимаю, – продолжил он, – что время от времени исключения будут применяться не к принципу капитуляции, а к его действию в специфических случаях. Это ведь не одно и то же, что менять принципы. Если советское и британское правительства дадут нам совет в одном из этих случаев, я совершенно уверен, что мы с ними согласимся. Это следует дать понять обоим правительствам“.

В записках британскому и советскому посольствам в Вашингтоне от 11 апреля Хэлл передал точку зрения президента, никак не поясняя ее.

Британское и советское правительства, по-видимому, были удовлетворены, что фактически в отношениях с сателлитами им не будут мешать пресловутые принципы. И все же британцы обратились к американскому правительству за согласием на исключение термина „пропаганда“, по крайней мере в отношении Венгрии и Болгарии. Хэлл поддержал их и 10 мая спросил президента, согласен ли он, чтобы мы вместе с британцами и русскими определили степень широты целей пропаганды, „...ясно понимая, что исключение сделано для того, чтобы службы пропаганды не упоминали этот термин,

хотя, конечно, не будет никакого публичного отречения от принципа, применимого к этим странам“.

Против этого президент не возражал. Таким образом, был дан зеленый свет совместному обращению к сателлитам, подготовленному Государственным департаментом. Оно было выпущено 12 мая. Народы и правительства Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии смогли прочесть, что „...еще в их власти выйти из войны, прекратить сотрудничество с Германией, всеми возможными способами сопротивляться силам нацизма, сократить борьбу в Европе, уменьшить собственные жертвы и внести вклад в победу союзников“. Это, а также тот факт, что нигде не говорилось, что они должны капитулировать безоговорочно, могло быть интерпретировано так, будто победители будут вести с ними переговоры об условиях.

Пока разыгрывался этот спектакль с уступками сателлитам, Европейская консультативная комиссия пыталась выработать подробный механизм капитуляции Германии. По многим основным спорным вопросам еще существовали разногласия. Но потребность в предварительном определении доктрины безоговорочной капитуляции по отношению к Германии становилась все более настойчивой.

В середине апреля подготовка вторжения во Францию была в самом разгаре, и сердца бились чаще от предстоящего столкновения с немцами. Когда Стеттиниус, заместитель государственного секретаря, был в Лондоне, генералы Эйзенхауэр и Смит убедили его яснее изложить наши намерения. Они полагали, что тогда немецкий народ, почувствовав всю силу нашего наступления, предпочтет сдаться; если же мы просто повторим ритуальную формулу, немецкие пропагандисты смогут заставить свой народ сражаться в безнадежном страхе перед ужасами капитуляции. Они также полагали, что есть шанс ограничить деятельность внутри немецкой армии и немецкого генерального штаба свержением Гитлера и договором о капитуляции. Они предложили трем союзным правительствам поскорее согласовать свои намерения и гарантировать закон и порядок в рейхе; а затем, как только союзные войска займут плацдарм в Северо-Западной Европе, Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий, выпустит заявление, содержащее условия капитуляции и призывающее немцев сложить оружие. Уильям Филипс, бывший заместитель государственного секретаря и старинный друг президента, короткое время служивший политическим советником Эйзенхауэра, согласился с этой тактической линией.

Доклад Стеттиниуса об этих рекомендациях был представлен президенту, еще отдыхавшему в Южной Каролине. Наверное, это послание показалось ему попыткой дипломатов и военачальников поколебать, если не разбить его позицию; превратить свою политику в призывы к капитуляции Германии, что, вполне возможно, закончилось бы миром на определенных условиях. Во всяком случае, он попросил Хэлла дать инструкцию Филипсу ни с кем не обсуждать эту тему без его разрешения.

Так была приостановлена дискуссия внутри Европейской консультативной комиссии относительно какого-либо определения условий по Германии. Но те, кому предстояло руководить вторжением, и их штабы принялись разрабатывать заявление, адресованное немцам. Эйзенхауэр осветил проблемы, связанные с разработкой такого заявления, в меморандуме начальникам Верховного штаба союзных экспедиционных сил от 20 мая. Он затронул две проблемы, для которых еще не нашлось правильного решения:

1) три основных союзника до сих пор не решили, как поступить с Германией после капитуляции;

2) откровенное изложение намерений союзников, похоже, покажется таким суровым, что сведет на нет все утешительные заверения.

Поэтому он сделал вывод: если эти трудности нельзя преодолеть, союзникам пока следует оставить возможность заявить о своих требованиях.

Не заставила Черчилля согласиться и предпринятая президентом в последнюю

минуту попытка сформулировать заявление, которое помогло бы преодолеть эти трудности. Его приводили в замешательство те же трудности, что и Эйзенхауэра: любое сообщение, неискреннее по таким вопросам, как наказание за военные преступления, позже подвергнет союзников обвинениям в обмане, но любое искреннее сообщение приведет в ужас немцев и заставит их сражаться еще ожесточеннее. Рузвельт поспешно сообщил Сталину, что отказывается от этой идеи из-за возражения Черчилля. Сталин поддержал президента; предложенное декларациями ему нравилось не больше, чем Черчиллю. Поэтому случилось так, что единственными заявлениями, сделанными до или во время высадки во Франции, были краткие сводки с театра военных действий.

Поскольку тема представляет такой активный противоречивый интерес, можно вкратце развить ее.

В течение последующего времени Европейская консультативная комиссия возобновила разработку условий механизма капитуляции и директивы по контролю над Германией. В дальнейшем Государственный департамент, штаб Эйзенхауэра и Объединенный комитет предпринимали различные попытки составить приемлемое заявление о намерениях союзников, которое могло бы оказать влияние на сопротивление немцев.

Еще одна возможная линия действий дала бы первоначальный импульс тайным движениям, имеющим целью свергнуть Гитлера: обещание, что, если это произойдет, союзники пересмотрят свою политику в отношении условий капитуляции и будущего отношения к Германии. В этой связи представляет интерес, что писал по этому поводу Аллен Даллес, представитель ОСС в Швейцарии, тайно общавшийся с членами группы, пытавшейся в июле 1944 года убить Гитлера: „Пересматривая свои записки тех дней (июль 1944 года), я нахожу, что группу „заговорщиков“ побудило к действию в высшей степени безобидное заявление мистера Эттли в палате общин о том, что якобы прежде, чем состоится новое обсуждение ситуации в Германии, сами немцы должны сделать первый шаг к избавлению от своего преступного правительства. Немецкий народ также воодушевило заявление, сделанное в это же время премьер-министром Черчиллем, в котором ему рекомендовалось свергнуть свое нацистское правительство. Я настаивал, чтобы Америка сделала подобное же заявление, поскольку был убежден, что, каков бы ни был результат дела „заговорщиков“, сама попытка свергнуть Гитлера, успешная или нет, поможет приблизить конец войны. Ничего подобного сделано не было“.

Могло ли появление этого заявления помочь тайному заговору против нацистских лидеров или даже заставить его принять иную форму, неизвестно.

Но все безрезультатно.

В сентябре американцы и британцы совсем растерялись, не зная, как следует поступить с Германией. Как описано в отчете Квебекской конференции, Рузвельт и Черчилль завизировали документ, который предлагал немцам жить на уровне бедности и запретил им снова развивать великую немецкую индустрию. От этой идеи быстро отказались, но слухи об его устрашающих версиях ходили еще долго. Немецкие агентства, чьей задачей было вливание гормонов страха и ненависти в немецкое сопротивление, с успехом использовали ее. Они говорили немецкому народу, что наконец-то стал ясен истинный смысл „безоговорочной капитуляции“. В обращении к немецкому народу они сделали вывод, что это равносильно полному уничтожению; или, как написала одна газета: „Немецкий народ должен понять, что мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть, и долг каждого немца сделать все, что в его силах, для победоносного завершения войны и крушения планов этих каннибалов“.

Геббельс использовал эти слухи против немецких сторонников продолжения борьбы на Востоке и прекращения на Западе. Например, в одной из его статей за 21 октября 1944 года читаем: „Вряд ли имеет значение, хотят ли большевики уничтожить рейх одним способом, а англосаксы другим. И те и другие имеют общую цель: они хотят избавиться от тридцати или сорока миллионов немцев“.

Настало время попытаться свести на нет усилия нацистов возбудить ложные страхи перед мстостью союзников, о которой заявляла их пропаганда. 28 сентября, когда союзные войска и танки пересекли границы Германии, Эйзенхауэр заявил: „Мы идем как победители, а не как притеснители“. Президент в своей речи от 21 сентября, предупредив, что никакой сделки с нацистскими заговорщиками не будет, снова заверил немцев, что они не будут порабощены. В штабе Эйзенхауэра и в Объединенном комитете наблюдалось естественное стремление и дальше убеждать немцев, что им не надо продолжать борьбу, чтобы спасти страну от разрушения и опустошения. Но в ноябре, посоветовавшись с Черчиллем, Эйзенхауэр и Военный департамент сочли: сейчас не время уговаривать немцев, поскольку дела на Западном фронте ухудшились, и немцы могут счесть это признаком слабости. Если русские не дадут таких же гарантий, эффект будет невелик, полагал также премьер-министр. Поэтому 26 ноября он сообщил Эйзенхауэру, что, по его мнению, лучше, чтобы до зимы все продолжалось как есть, добавив: „Я тем временем буду настаивать на безоговорочной капитуляции, к чему вы меня и склоняете“.

Забегая вперед, скажем: в Ялте в феврале 1945 года трем главам государств наконец удалось настолько приблизиться к соглашению, что они одобрили статьи, касающиеся целей союзников относительно Германии, как часть совместного заявления, которое они опубликовали в конце конференции. В нем не было ничего, о чем бы не говорили раньше Черчилль или Рузвельт, но под ним также стояло имя Сталина. В документе говорилось: „Нашей непререкаемой целью является уничтожение немецкого милитаризма и нацизма и гарантия, что Германия никогда больше не сможет нарушать мировое спокойствие... Нашей целью не является уничтожение народа Германии, но, только когда нацизм и милитаризм будут ликвидированы, у немцев появится надежда на достойную жизнь и место в сообществе наций“.

Думаю, после всей этой серии разъяснений немцы, как народ, больше всего боялись не формулы „безоговорочная капитуляция“. Они знали, что причинили миру невероятные муки и их ждет справедливое наказание. Нацистских лидеров ждала смерть или тюрьма; нацистов рангом ниже и их сподвижников – крах и унижение. Для высших военачальников и их штабов настал конец карьеры и власти. Для остальных немцев – убогое существование в разгромленной и оккупированной стране. И почти все боялись возможности власти русских.

У меня создалось впечатление, что поддержка формулы безоговорочной капитуляции мало повлияла на сопротивление немцев, разве что, может быть, в последний период войны. Ведь они стремились и надеялись не только получить гарантию того, что они не будут угнетены, но и заключить сделку с Западом, разобщающую их врагов и позволяющую им избежать наказания и выжить, как сильной стране.

Реальный вопрос для союзников – отличный от тактического – заключался в том, как поступить с Германией и немцами после капитуляции. Читая отчеты, я понял, что другого решения быть не могло, даже если бы некой немецкой группе – вроде той, что в июле 1944 года предприняла отважную попытку, – и удалось бы свергнуть Гитлера и его клику и добиться скорейшего заключения мира. Немцам было слишком много за что отвечать, они слишком боялись, они потеряли обычное право на справедливость в человеческом обществе. При безоговорочной капитуляции или без нее их защищали только выдержка и терпимость их врагов и взаимная недоговоренность между союзниками о действиях на территориях, подвластных Западу и Советскому Союзу.

Как поступить с Германией

Принятие решения, как поступить с немцами после капитуляции, было вытеснено разговорами о том, что можно сказать немцам.

Напомним, что Европейскую консультативную комиссию (на заседании которой сэ

Уильям Стрэнг из министерства иностранных дел Британии встретился с Уинантом и Гусевым, американским и советским послами в Великобритании) попросили дать рекомендации по условиям капитуляции и созданию органа, который сможет гарантировать, чтобы они выполнялись. Комиссия с самого начала была скована и загнана в тупик. Уинант часто действовал без инструкций; иногда потому, что одно отделение министерства обороны по-прежнему настаивало, что условия капитуляции и оккупации являются чисто военными вопросами и решаться они должны Объединенным комитетом, и больше никем; иногда потому, что различные департаменты американского правительства не могли договориться, как поступить с экономической структурой Германии. Тогда же велись телеграфные споры, самым упорным из которых был спор о зонах оккупации.

Комиссия работала над тремя документами. Один, оговаривающий условия безоговорочной капитуляции, должны были принять немцы. Остальные два должны были подписать три правительства союзников; один из них касался механизма контроля над Германией после капитуляции; во втором излагалась система оккупации и распределялись зоны, контролируемые национальными силами каждого из союзников. Предполагалось, что основным будет четвертое соглашение, утверждающее общую политику, проводимую во всей Германии в период оккупации и контроля. Без этого вся система не будет работать. Соглашение так и не было достигнуто.

О каждом из этих трех соглашений я расскажу отдельно.

Задача разработки механизма капитуляции, который должен был быть подписан немцами, оказалась гораздо проще, чем в случае с Италией. Единственная проблема возникла в марте из-за возмущения Советского Союза по поводу статей в британской прессе о желании Советского Союза использовать немецкие части для работы в Советском Союзе после войны. Но вскоре это было исправлено. Работа над документом во время „Оверлорда“ подходила к концу, и, когда три дня спустя, 10 июня, Гарриман сообщил Сталину о желании президента побеседовать с ним прежде, чем падет Германия, чтобы урегулировать все вопросы, касающиеся этой страны, Сталин ответил, что в этом нет необходимости, во всяком случае в течение трех месяцев, и „...кажется, должно быть достигнуто общее соглашение по принципам капитуляции Германии“.

Смысл ответа Сталина был ясен: три правительства заключили договор по тем вопросам, по которым пришли к соглашению, и оставили нерешенными вопросы, по которым не смогли договориться. Эти нерешенные вопросы были жизненно важны, и затяжка с ними наносила вред авторитету Европейской консультативной комиссии. Среди них были: можно ли использовать немецкие части для принудительных работ; репарации; границы; разделение Германии. Победители не решили их и после капитуляции Германии. Документ, разработанный Европейской консультативной комиссией, в конечном счете не был пущен в дело.

По второму документу, тому, в котором содержались соглашения об исполнении условий капитуляции и контроля над Германией после войны, соглашение было достигнуто довольно быстро. Оно предусматривало создание Контрольного совета, сформированного из представителей трех союзников, оккупирующих Германию. Было договорено, что командующий каждой из оккупационных сил будет и командующим своей национальной зоны, и членом Контрольного совета. Совет должен нести ответственность за все вопросы, касающиеся Германии в целом, в то время как каждый командующий зоной будет осуществлять власть в собственной зоне.

Система была одобрена. Она работала до тех пор, пока три правительства не пришли к соглашению об общей политике, которую совет должен осуществлять во всех зонах.

Попытка определить зоны оккупации проходила иначе: мешали продолжительные столкновения претензий британцев и американцев.

Летом 1943 года комитет британского кабинета рекомендовал расположить оккупационные силы в трех основных зонах Германии: британские силы – на северо-западе, американские – на юге и юго-западе, и русские – на востоке. Берлин будет отдельной совместной зоной. Ни Рузвельту, ни Объединенному комитету начальников штабов не понравилось такое распределение. Президент хотел, чтобы американцы получили зону на северо-западе Германии, куда могли бы осуществлять поставки через северные порты – Гамбург, Бремен, Роттердам, – а не на юго-западе, линии поставок для которой будут проходить через Францию. Он не хотел зависеть от сотрудничества с французами. Отчасти это было вызвано личной неприязнью к де Голлю; отчасти – предположением, будто во Франции может разразиться гражданская война; а вероятно, и возможностью отделения некоторых регионов французской колониальной империи. Кроме того, Объединенный комитет начальников штабов считал, что, если Объединенные Нации будут контролировать порты Северной Германии, легче будет перебросить американские части из Европы для войны на Тихом океане.

По пути в Каир и Тегеран Рузвельт на оборотной стороне старого конверта схематично набросал альтернативный план распределения зон. Он отличался от британской схемы двумя основными пунктами: во-первых, американские и британские зоны в нем менялись местами; во-вторых, граница между западной и советской зонами проходила гораздо восточнее. Но в нем наблюдались любопытные зигзаги, и осталась незавершенной та часть границы, которая отделяла бы британскую зону на юго-западе от советской зоны.

Возможно, в Каире или в Тегеране Рузвельт кратко обсудил этот вопрос с Черчиллем, хотя в открытых отчетах это не отражено.

Когда 14 января 1944 года впервые собралась Европейская консультативная комиссия, британский представитель вынес на рассмотрение предложения по разделению на зоны, которые были одобрены министерством обороны.

На ранние рекомендации министерства обороны и на участие британцев в дискуссиях в Европейской консультативной комиссии Черчилль ссылается весьма неопределенно. Он писал: „Тогда вопрос казался чисто теоретическим. Никто не мог предвидеть, когда и как окончится война. Немецкие войска удерживали огромные территории европейской части России. Прошел год прежде, чем британские и американские войска вступили в Западную Европу, и почти два года прежде, чем они вошли в Германию. Предложения Европейского консультативного совета не считались достаточно неотложными или практичными, чтобы их обсуждать в министерстве обороны... Поэтому вопрос о русской зоне оккупации Германии не казался нам таким уж важным, не обсуждался на англо-американских дискуссиях и не поднимался ни одним из лидеров в Тегеране“.

Следует заметить, что Европейская консультативная комиссия собралась только в январе 1944 года, всего за пять месяцев до начала операции по форсированию Ла-Манша.

Предложения, распространенные 15 января, соответствовали более ранней британской схеме распределения, но в них зоны определялись более точно. Восточная зона, предназначенная в этом тексте для Советского Союза, проходила южнее Любека на Балтике примерно в 200 милях к востоку от Берлина. В нее входили примерно 40 процентов бывшей немецкой территории, 36 процентов населения и 33 процента производственных ресурсов – все, кроме Берлина. В феврале советский представитель предложил рассмотреть еще один план, в котором граница между западной и советской зонами лишь немного отличалась от предложенной британцами. Он давал понять, что советское правительство не очень озабочено тем, как британцы и американцы разделят западную часть Германии, но выразил надежду на скорейшее урегулирование этого вопроса. В ходе переговоров между британским и советским представителями вскоре были улажены разногласия между двумя предложениями относительно границ советской зоны. Следует помнить, что это происходило за несколько месяцев до „Оверлорда“ и

взятия Рима. Согласованные советские наступления, обещанные в Тегеране, были безоговорочно одобрены, так как все хотели, чтобы русские действовали как можно более быстро и энергично. Каковы бы ни были в первую половину 1944 года предположения и расчеты, ни британцы, ни американцы, похоже, не были встревожены тем, что советские войска займут на западе Германии территорию, предусмотренную этим распределением зон.

Тем временем Черчилль сделал все возможное для того, чтобы уговорить президента согласиться на принятие под свой контроль юго-западной зоны. Он считал это требование оправданным и в феврале объяснил президенту почему. По окончании войны британские войска будут находиться в северной части Германии, а их базы в Шербуре и Гавре; они уже имеют тесную связь с голландскими и норвежскими войсками; им лучше удастся обеспечить морское разоружение Германии. Соответственно, подчеркнул он, американцы займут южную часть Германии и базы в Бретани; они будут оснащать французские войска и более тесно с ними сотрудничать. И Государственный, и Военный департаменты, казалось, подозревали, что британцы рассчитывают, будто им легче будет поддерживать население Германии в северном регионе и что они хотят иметь возможность контролировать главного конкурента Британии, Рур.

Объяснения Черчилля не произвели на Рузвельта ни малейшего впечатления. Он считал, что будет сложно в конце войны перебросить американские войска с севера на юг. Кроме того, оправдывая свое нежелание контролировать южную зону, он 21 февраля объяснил исполняющему обязанности государственного секретаря Стеттиниусу, что, по крайней мере, после первого периода оккупации американцы „...будут только рады вывести из Европы все свои войска“. В заключение он добавил: „Если нужны еще какие-то оправдания для нашего несогласия с британцами по демаркационным линиям, я могу только добавить, что мое решение вызвано политическими соображениями“.

Некоторое время спустя Уинант получил из Вашингтона другое предложение американцев, касающееся границ зон. Этот альтернативный план (который, как стало известно позже, был основан на импровизированном наброске президента) не только отводил американцам северо-западную зону, но и значительно уменьшал советскую зону, начинающуюся к востоку от Любека, пролегающую северо-восточнее Щецина и доходящую до границ Берлина. Поскольку документ был отправлен ему без определенных указаний и поскольку в нем не была ясно изложена инициатива, посол не спешил представить его на рассмотрение Европейской консультативной комиссии. Он объяснил Государственному департаменту всевозможные трудности, которыми чревато это предложение, в том числе и то, что в результате сокращения своей зоны Советский Союз лишится такого важного узлового пункта, как Котбус, и, кроме того, границы не соответствуют административным границам Германии.

Потом, 3 апреля, Джордж Кеннан, находившийся в Вашингтоне, по просьбе Уинанта и с одобрения Хэлла посоветовался с президентом. Он заметил, что план разделения на зоны, посланный Уинанту, не имел никакого отношения к более ранним предложениям, по которым британцы и русские фактически договорились и согласно которым граница советской зоны проходила гораздо восточнее, чем хотелось бы русским. Президент не возражал против принятия западной границы русской зоны, о которой договорились остальные. 28 апреля Объединенный комитет начальников штабов одобрил это, как и Хэлл. 1 мая Уинанту были даны соответствующие указания, а 1 июня он дал подобный же совет своим коллегам.

К слову сказать, Черчилль, похоже, забыл или пренебрег этой более ранней историей, когда в комментарии Трумэну от 18 апреля 1945 года, поддерживая отсрочку отвода американских и британских войск с линии фронта в свои зоны, заметил: „Оккупационные зоны были довольно поспешно определены в Квебеке, когда еще ничто не предвещало столь мощного вторжения войск генерала Эйзенхауэра в Германию“. Фактически американцы уже в Квебеке согласились с тем, о чем позже договорились

британцы и русские.

Впоследствии была внесена поправка в договор о границе между восточной и западной зонами. Мекленбург попадал в восточную зону, а Шлезвиг-Гольштейн в северо-западную.

Но Рузвельт по-прежнему хотел получить северо-западную зону. Уинант на текущих встречах Европейской консультативной комиссии настойчиво протестовал против этого требования. В начале августа Стеттиниус предложил президенту принять южную зону, если британцы рассеют наши тревоги: во-первых, пообещают, если потребуется, оккупировать Францию, Италию и Балканы; во-вторых, позволят нашим войскам пользоваться портами на севере Германии и Нидерландов. Президент, находившийся на Тихом океане, ответил Уинанту, что ждет, когда уступит Черчилль. Он снова сказал: „Существенно, что американские оккупационные части не будут иметь никакой ответственности в Южной Европе и будут в кратчайшие сроки выведены оттуда“.

Он также заметил, что не понимает, почему необходимо обсуждать эту тему с русскими, ведь они согласились поддерживать порядок в той части Германии, которую захотят контролировать.

Давление на президента стало более интенсивным. От него требовали пойти на компромисс. Эйзенхауэр и Стимсон советовали ему немедленно заключить соглашение, потому что наши части уже находились в Германии. Однако он продолжал упорствовать и дошел до последовавшего спора с американскими и британскими военными советниками в Квебеке в середине сентября. Затем он уступил, согласившись на отведение американцам юго-западной зоны, а британцам – северо-западной. Линия раздела между этими двумя зонами изменилась, и в британскую зону теперь входили регион Саара и район западнее Рейна. Порты Бремен и Бремерхафен, ранее находившиеся в британской зоне, попадали под контроль американцев, и американцы получили полную свободу прохода в американскую зону, а также в эти порты и обратно.

Может быть, не стоит гадать, что заставило президента уступить. Вероятно, он просто прислушался к советам. Или, возможно, увидев поведение французского народа и его принятие де Голля, перестал бояться гражданской войны во Франции. А может быть (такого мнения придерживался глава департамента финансов, вернувшийся с Квебекской конференции), просто „президент хотел“, чтобы британцы владели Руром и Сааром, намереваясь проводить политику [промышленного уничтожения], обозначенную в меморандуме, подписанном Черчиллем и им самим“.

Берлин располагался в советской зоне. Но с самого начала было решено, что он будет отдельным субъектом юрисдикции, занимаемым войсками трех стран и под их совместным управлением.

И британские, и советские предложения в Европейскую консультативную комиссию гарантировали это. Но дискуссия об урегулировании, особенно о способах обеспечения американцам и британцам доступа в Берлин из их зон через советскую зону, повисла в воздухе, так как Уинант не знал, как поступить. По новой схеме разделения на зоны, переданной ему из Вашингтона, все три клинообразные зоны встречались в Берлине, и все трое союзников имели доступ в город через собственную зону. Но после того как его уполномочили отказаться от этой схемы и принять британо-советское предложение о границе между западной и восточной зонами, вопрос о доступе в Берлин повис в воздухе. Обсуждение темы доступа в Берлин было отложено из-за разногласий между нами и русскими по вопросу, следует ли утверждать отдельные зоны оккупации в Берлине до вступления в город. Объединенный комитет начальников штабов хотел подождать до взятия города и предоставить решить вопрос на месте национальным командующим, которые будут знать возможности для сообщения, размещения войск и поддержания порядка. Но русские отказались принять основу совместного управления, если предварительно не будет заключено соглашение о зонах ответственности. Прошли многие

месяцы прежде, чем американцы уступили, и это отсрочило обсуждение военными вопроса о транзитном соглашении до 1945 года.

Как бы то ни было, приехав в мае в Вашингтон, посол сообщил отделу по гражданским делам Военного департамента, что он бы хотел „...предложить [Европейской консультативной комиссии] подробные условия, обеспечивающие американцам безопасный доступ [в Берлин] по главному шоссе, железной дороге или воздуху“. Он был уверен: при наличии конкретных предложений в Европейской консультативной комиссии договорятся без особых трудностей, поскольку советский представитель неоднократно настаивал, что устроить транзит через советскую зону в Берлин будет несложно, и присутствие американских и британских войск в Берлине, „безусловно“, обеспечит все средства для доступа».

Об этом рассказывал Филипп Мосли, с июня 1944 года служивший главным советником и заместителем Уинанта в Европейской консультативной комиссии и досконально знавший все материалы. Так, генерал Лусиус Клей (который позже был главнокомандующим американской зоны в Германии и американским представителем в Контрольной комиссии), похоже, ошибался, упрекая Уинанта в упущении; он писал: «...оно было не случайным, и мистер Мэрфи [политический советник генерала Эйзенхауэра] обсуждал его с нашим представителем в Европейской консультативной комиссии. Посол Уинант полагал, будто право быть в Берлине влечет за собой право доступа и что обсуждение данного спорного вопроса в связи с соглашением только усложнит его. Он чувствовал, что это возбудит подозрения Советского Союза и осложнит достижение взаимопонимания».

Но отдел по гражданским делам не хотел включать подобную статью в соглашение о зонах оккупации. Он считал невозможным предвидеть, какие железные и автомобильные дороги понадобятся и что после войны окажется полезным, а что придется уничтожить. Поэтому отдел настаивал, чтобы, когда придет время, задача урегулирования была возложена на командующих. Узнав точку зрения влиятельных военных, Уинант больше не поднимал этот вопрос.

Когда в сентябре в Квебеке Рузвельт, Черчилль и Объединенный комитет пересмотрели набросок предложенного соглашения по зонам, никто из них, похоже, не подумал о праве доступа в Берлин. О нем, вероятно, вспоминали только в связи с передвижением вооруженных сил, которые будут располагаться в Берлине. Никто не задумался о нуждах жителей Берлина и о необходимости делать обширные поставки из западных зон.

Пытаясь выработать систему соглашений, союзники столкнулись с серьезными трудностями при решении следующих вопросов:

- 1) что делать с экономической структурой Германии;
- 2) как относиться к экономическому положению и проблемам немецкого народа после войны.

Эти вопросы, внешне связанные с вопросом репараций, на самом деле были гораздо глубже.

Немецкие наземные силы и авиация, покорившие Европу, опирались на крупную специализированную промышленность. Какие отрасли Германии будет позволено сохранить и развивать? Определяя политику по этому вопросу и по вопросу о репарациях, следует ли победителям думать, как будут жить немцы после капитуляции? Стоит ли победителям воздержаться от действий или требований, которые осложнили бы немцам получение пищи и крова, или даже при необходимости помогать им? Следует ли победителям заставить немцев поделиться со своими жертвами всем, чем могут, оставив себе самый минимум?

Каким бы удовлетворительным и удачным ни был механизм контроля над Германией, он, безусловно, в конечном счете провалится, если коалиция не придет к

соглашению по этому вопросу. Уиннат заметил это в длинном и убедительном послании, которое отправил президенту и государственному секретарю в середине августа. Но когда это заявление, состоящее из семи тысяч слов, было получено, президент находился на Тихом океане, всецело поглощенный ходом войны в этом регионе; остается только гадать, придал ли он посланию хоть какое-то значение, когда прочел его.

Государственный департамент изо всех сил пытался сгладить разногласия в этом вопросе с Военным департаментом и британским министерством иностранных дел. Не считая тех пунктов, улаживание которых, по его мнению, следует предоставить военачальникам, министерство обороны в основном поддержало неожиданно возникшую схему проводимой политики. Но Департамент финансов нашел ее слишком мягкой и счел, что Государственный и Военный департаменты на самом деле готовы оказывать Германии благотворительную помощь.

Насколько сурово президент тогда намеревался обойтись с Германией, видно из меморандума, который он 26 августа послал секретарям Стимсону и Хэллу, отметив некоторые пункты в справочнике, готовящемся для руководства будущим военным правительственным лицам в Германии. Он отмечал:

«Создается впечатление, что Германия будет восстановлена, так же как Нидерланды и Бельгия, а немецкий народ в кратчайшие сроки вернется в свое предвоенное состояние. Крайне важно, чтобы каждый человек в Германии понял, что на этот раз Германия является побежденной нацией. Я не хочу, чтобы немцы умирали от голода, но, если, к примеру, для того, чтобы как-то свести концы с концами, им потребуется больше еды, чем у них есть, пусть питаются три раза в день супом из военных кухонь... Они – побежденная нация, и это обстоятельство должно заставить их крепко подумать прежде, чем начать новую войну».

Стимсон в то время тревожился из-за того, что наши войска входят в Германию, не имея жизненно важных указаний относительно политики, которую следует проводить там. Он уговаривал президента созвать особую комиссию, чтобы оценить уже проделанную работу и подготовить отчеты. Президент тотчас же сделал это, включив в комиссию Хэлла, Стимсона и Моргентуа, а Гопкинса попросил проследить за их работой.

На предварительной встрече сотрудников департамента, проведенной 2 сентября в кабинете Гопкинса, были решены многие политические вопросы. Но по двум жизненно важным вопросам Гарри Д. Уайт, выступавший от имени Моргентуа (главы Департамента финансов), представил потрясающие предложения. Для точного определения последовательности их обсуждения потребовалось бы пространное и подробное сравнительное изучение текстов, поскольку мы имели в распоряжении серию как незаконченных, так и законченных проектов.

Первая группа предложений Департамента финансов была представлена Уайтом 2 сентября, в субботу перед Днем труда, на встрече сотрудников департамента в офисе Гопкинса. Президент и Моргентуа весь уик-энд провели в Гайд-парке. Там президент медленно и тщательно прочел представленный ему проект и сказал Моргентуа о некоторых изменениях, которые он хотел бы в него внести (особенно о запрещении в Германии самолетов, обмундирования, парадов). Моргентуа на основании этой беседы с президентом и изучения первого проекта Департамента финансов сделал вывод, что экономические меры, обозначенные в нем, недостаточно жестки. Вот его последние слова: «Критически проанализировав наш первый проект, я пришел к выводу, что Рур остается нетронутым, с единственной мерой предосторожности, такой, как международный контроль». Это было не так. Даже первый проект Департамента финансов требовал значительного сокращения промышленной структуры Рура для достижения двух намеченных целей: разрушения военного потенциала и осуществления репараций путем капитальных перемещений. Моргентуа хотел быть уверенным, что главные отрасли

промышленности Рура будут уничтожены до основания. Изменения, на которых он настаивал, 5 сентября были представлены, вероятно, в устной форме на первой встрече комитета. Потом, после нескольких поправок, они были включены в письменную версию, обсуждаемую 6 сентября на встрече комитета с президентом. Вероятно, дальнейшие изменения внесли в этот проект в ходе превращения его в окончательную версию под названием «Программа предотвращения развязывания Германией третьей мировой войны», которую Моргантау повез в Квебек.

Предложения Моргантау оказались гораздо более жесткими, чем меры, которые предлагали Государственный и Военный департаменты. И все же, я думаю, можно оспаривать, что это было лишь отдаленное приближение к курсу, намеченному в Тегеране Рузвельтом и Сталиным.

Департамент финансов предусматривал передачу обширных немецких территорий другим странам: Силезии и Восточной Пруссии – Польше и Советскому Союзу; Саара и прилегающего района – Франции; территории севернее Кильского канала – Дании. Рур и Кильский канал предполагалось сделать международной зоной, которой будет разрешено торговать с рейхом. Оставшуюся часть Германии предполагалось разделить на два государства, северное и южное. Департамент финансов явно стремился провести в жизнь идеи Рузвельта: задачи гражданской администрации и поддержание порядка на всех территориях должны быть возложены на соседей Германии, что позволит вывести американские войска в возможно короткий срок.

Предложения Департамента финансов в экономической сфере вызвали противоречия, определившие весь ход обсуждения этого вопроса. Департамент предлагал:

1) не делать ничего, что бы поддержало экономику Германии и облегчило условия, в которых может оказаться немецкий народ;

2) демонтировать тяжелую промышленность Германии и распределить ее в качестве репараций либо уничтожить, особенно заводы Саара и Рура.

Версия, обсуждаемая с президентом, выглядела так: «Этот регион [Рур] должен быть не только лишен существующей в настоящее время промышленности, но так ослаблен и находится под таким жестким контролем, чтобы не смочь в обозримом будущем стать промышленным районом. Это гарантируют продуманные меры. В частности, в короткий период, по возможности не дольше шести месяцев после прекращения военных действий, все промышленные предприятия, не уничтоженные в ходе военных действий, должны быть полностью демонтированы и удалены из региона или полностью уничтожены. Из шахт должно быть вывезено все оборудование, а шахты полностью разрушены. Далее. Регион должен быть превращен в международную зону...»

На очередном заседании комиссии 5 сентября Моргантау представил свои суровые предложения. Хэлл настаивал, чтобы не принимать никаких решений по разделу до тех пор, пока не прояснится внутренняя ситуация в Германии и мы не узнаем точку зрения Британии и Советского Союза. Его позицию по отношению к Германии нельзя было назвать ни мягкой, ни снисходительной.

В меморандуме, подготовленном Государственным департаментом для президента 4 сентября, соответствующий параграф гласит: «Первостепенными целями нашей экономической политики [по Германии] являются следующие: 1) уровень жизни населения Германии не должен быть выше уровня выживания; 2) экономическое положение Германии как сильной державы должно быть нивелировано; 3) экономика Германии должна быть ориентирована на зависимость от импорта и экспорта, чтобы не иметь возможности собственными средствами начать выпуск военной продукции».

Стимсон выступал против предложений Департамента финансов, говоря, что они вызовут «огромное всеобщее зло», что немцы будут вечно нищими, что пострадает значительная часть Европы, что ненависть и возмущение, которые возникнут, затмят вину нацистов и отравят радость будущего мира. Эти предложения, страстно доказывал он, только разожгут войну, а не предотвратят ее. Но Моргантау был убежден: менее суровые

меры, чем предложил он, не помешают немцам рано или поздно снова попытаться силой добиться мирового господства. Он утверждал, что немецкий народ сможет жить, даже если будет уничтожена его тяжелая промышленность, а оставшаяся часть Европы обойдется и без нее.

На двух встречах комиссии с президентом 6 и 9 сентября эти противоположные точки зрения были обсуждены снова. Но получилась еще большая путаница, чем раньше. Рузвельт, по крайней мере в беседах со Стимсоном, не соглашался с предложением Департамента финансов об уничтожении промышленности Рура. Но теперь он горячо одобрил некоторые из пунктов предложения Департамента финансов. Однажды Моргенту сказал: «Что касается меня, я бы снова сделал Германию сельскохозяйственной страной».

На него, похоже, не производила ни малейшего впечатления мрачная картина страданий немецкого народа в том случае, если тот потеряет средства для экономического и военного возрождения. Он считал, что чем дольше немцы проживут на благотворительном супе, тем лучше будет для них. Народы тех стран, что дважды рисковали расстаться с жизнью и терпели жесточайшие страдания под пятой Германии, наверное, согласились бы с ним. Можно высказать смелое предположение: если бы вопрос был поставлен на голосование в этих странах, подавляющее большинство высказалось бы за то, чтобы обречь немцев на долгие и жестокие страдания, пусть даже при этом ухудшилось бы их собственное положение.

Во время этих совещаний в Белом доме Хэлл, судя по более поздним записям Стимсона и Моргенту, намекнул обоим, что изменил свою точку зрения. Вероятно, тактика государственного секретаря в то время заключалась в том, чтобы при президенте избегать резких споров с агрессивными коллегами из Департамента финансов и горячими парнями из Военного департамента. Однако в записках, которые он посылал в Белый дом от своего имени, он указывал, что его мнение определенно отличается от крайних взглядов Моргенту. Стимсон, напротив, был откровенен. Военачальники и солдаты, которым придется учитывать обстоятельства сразу же и на месте, были американцами, за которых он чувствовал ответственность. Мысль о том, что им, из чувства долга, придется проводить эту политику, вызвала у него депрессию, которой пронизана запись об этой встрече в дневнике, датированная 11 сентября: «Меня очень встревожило физическое состояние президента. Он явно был не таким, как всегда... Он выглядел простуженным и, кажется усталым. Меня беспокоит, как на него подействует эта тяжелая [Квебекская] конференция. Собственно, меня беспокоит, что он едет туда, не подготовив решения по основной и фундаментальной проблеме взаимоотношений с Германией».

В Квебеке, как часто упоминалось, Черчилля убедили согласиться с курсом, предложенным Департаментом финансов.

Отчет о том, что происходило в Квебеке, основывается на мемуарах Хэлла, книге Стимсона и Банди, меморандуме, составленном 20 сентября 1944 года Мэттьюзом, заместителем директора европейского отдела Государственного департамента, и меморандуме, составленном исполняющим обязанности главы Департамента финансов Уайтом 20 сентября 1944 года, статье Моргенту и записи разговора между Рузвельтом и Черчиллем в Квебеке от 14 сентября 1944 года.

15 сентября Черчилль и президент подписали следующее соглашение:

«На совещании между президентом и премьер-министром об оптимальных мерах предотвращения перевооружения Германии установлено, что основным вопросом является будущее управление Руром и Сааром. Легкость, с которой металлургическая, химическая и электронная промышленность Германии может быть конвертирована с мирных рельсов на военные, уже поразила нас своим горьким опытом. Надо также помнить: немцы разрушили большую часть промышленности России и других ее соседей-

союзников, и по законам справедливости эти пострадавшие страны должны иметь право забрать себе технику, необходимую им для возмещения своих потерь. Следовательно, упоминавшаяся промышленность Рура и Саара будет неизбежно демонтирована и прекратит существование. Решено, что эти два района должны находиться под контролем какого-нибудь органа международной организации, который будет наблюдать за демонтажем этих отраслей и гарантировать, чтобы они путем каких-нибудь ухищрений не возобновили свою работу. Настоящая программа уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре предусматривает конверсию Германии в страну изначально сельскохозяйственную и пасторальную по своему характеру. Премьер-министр и президент пришли к общему мнению по поводу этой программы».

Прилагательное «пасторальная», которое так порицают и осмеивают, принадлежит Черчиллю. Проект Morgентау-Черуэлла, который Черчилль нашел неудовлетворительным, гласил: «Программа уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре является частью программы, стремящейся к тому, чтобы в значительной степени превратить Германию в сельскохозяйственную страну».

По возвращении в Вашингтон Morgентау 20 сентября рассказал удивленным Хэллу и Стимсону об истории, предшествовавшей подписанию этого соглашения. Он рассказал, что, когда впервые завел с Черчиллем разговор об этом, премьер-министр гневно возразил. Morgентау процитировал Черчилля, раздраженно спросившего, уж не приехал ли он в Квебек обсуждать схему, которая привяжет Англию к мертвецу? Описывая позже эту сцену, он вспоминал, что Черчилль «...неподвижно сидел в своем кресле, злой, многоречивый. безжалостный. Я никогда в жизни не испытывал подобной словесной порки». Но Morgентау быстро оправился от этой порки. На следующий день он убедил лорда Черуэлла, что эта политика вполне приемлема и она позволит Великобритании быстрее восстановиться после войны. Черуэлл убедил Черчилля принять программу. Но премьер-министру не понравилась форма соглашения, в котором Morgентау и Черуэлл излагали эту политику. Поэтому он позвал своего секретаря и продиктовал свою версию. Это был документ, который подписали президент и премьер-министр. Впоследствии Morgентау рассказывал, что Идеи был очень расстроен и горячо спорил с Черчиллем по этому вопросу. Премьер-министр задержал своего министра иностранных дел и просил его не обсуждать эту тему с министерством обороны до тех пор, пока он, Черчилль, не вернется в Лондон, потому что решил сам «протолкнуть» документ.

Есть основания удивляться, почему Черчилль поставил свою подпись под этим соглашением. Возможно, его привлекла мысль о том, что, уничтожая Германию как соперника, Британия сможет быстрее восстановиться. А еще, может быть, Британия была уверена в помощи американского правительства. Отвечая на вопрос Стимсона, Morgентау отрицал, что Черчилля могло соблазнить это соображение. Но из фразы в более позднем кратком отчете Черчилля ясно, что он всегда имел это в виду: «Сначала я горячо сопротивлялся этой идее. Но президент вместе с мистером Morgентау, с которого спрос был очень велик, были очень настойчивы, и в конце концов мы согласились ее обсудить».

Как он мог забыть об этом, если накануне, 14 сентября, президент благосклонно согласился, почти пообещал продолжить помощь по ленд-лизу в период войны против Японии, после разгрома Германии? Снаряжение будет поставляться на сумму примерно три с половиной миллиарда долларов; это позволит Соединенному Королевству вместо военной промышленности заняться экспортными отраслями.

Остальные требования – продовольствие, сырье, техника и суда – оценивались еще примерно в три миллиарда долларов. Эта предполагаемая помощь действительно привлекала, особенно если учесть, что она оказывалась без каких-либо условий, которые могли бы помешать Британии заняться экспортной торговлей. Кроме того, Черчилль, может быть, хотел, согласившись с этой программой действий, убедить Сталина и

Рузвельта, что ему нет дела до немцев и у него нет тайного желания использовать их для поддержания баланса сил против Советского Союза после войны. Или – окончательная догадка – Черчилль согласился с Рузвельтом по этому вопросу, а за это Рузвельт согласился на юго-западную зону оккупации в Германии вместо северной, которую он так хотел? Сколько можно найти возможных объяснений этому поступку, в некоторой степени неразумному, в той мере, в какой Черчилль мог быть неразумным!

И президент, и премьер-министр вскоре убедились, как правы были их ближайшие советники, доказывая, что меры, о которых они договорились, непрактичны и вредны. Стимсон и Хэлл восстали против них. Хэлл выдвинул два новых соображения. Одно заключалось в том, что советское правительство, с которым не посоветовались, может обидеться. Кроме того, если Британии будет предоставлен крупный кредит без каких-либо условий, это расстроит планы Хэлла склонить ее согласиться на торговую политику, которую мы отстаиваем.

Так или иначе, но президент начал колебаться в отношении политики, обозначенной в соглашении, которое они с Черчиллем подписали в Квебеке. И у Стимсона, и у Хэлла сложилось впечатление, будто он не осознал важности этого документа. 2 октября Хэлл получил от президента записку, датированную 29 сентября, в которой явно чувствовалась склонность к компромиссу. Вот часть этой записки:

«Я не могу согласиться с идеей, что Британия будет финансово разорена, а Германия в то же самое время будет строить потенциальную машину перевооружения, чтобы лет через двадцать стала возможна следующая мировая война. Простая инспекция заводов этого не допустит. Никто не хочет процветания немецкого промышленного производства в Руре и Сааре. Нельзя также забывать, что кроме Рура и Саара у Германии есть много других регионов и возможностей...»

Обедая с президентом 3 октября, Стимсон вернулся к этой теме. Вот забавное замечание, сделанное им в своем дневнике: «Он [президент] усмехнулся, озорно взглянул, сказал, что „Генри Моргентау дал маху“, и добавил, что мы на самом деле не думаем так; что у него нет желания превращать Германию в сельскохозяйственную страну и он лишь хочет, чтобы часть дохода от Рура и Саара шла на нужды Великобритании...»

Стимсон пытался довести до него значение того, что он подписал, прочитав относящиеся к делу фразы Квебекской конференции. В дальнейшем он записал в своем дневнике: «Он [президент] искренне смутился и сказал, что не представляет, как он мог это подписать; очевидно, он сделал это, не подумав». Это последнее замечание может быть истолковано только в одном смысле: под влиянием идей, описанных в процитированной записке Хэллу, он довольно поспешно одобрил в Квебеке программу, которая, вопреки его намерениям, вела к полному разрушению. Излишняя жесткость возбудила реакцию против политической линии, которая, если держать ее в умеренных границах, могла согласованно проводиться коалицией.

Как бы то ни было, президент отошел от соглашения, достигнутого в Квебеке. Чувствуя себя затравленным и неуверенным, он дал знать Черчиллю и Сталину, которые собирались встретиться в Москве, что ему бы не хотелось, чтобы они принимали какие-либо решения по Германии до тех пор, пока он не сможет обсудить с ними эту тему. Забегая вперед, скажем, что 20 октября, комментируя меморандум Хэлла, в котором тот информировал его о состоянии планов по Германии, он написал: «...По-моему, нам требуется всесторонне обдумать, как поступить с Германией, но некоторые моменты заставляют меня считать, что спешить в этом вопросе совсем не обязательно. Может быть, должна пройти неделя, может быть, месяц, а может быть, и несколько месяцев. Мне не нравится строить детальные планы в отношении страны, которую мы еще не заняли».

Однако в том же ответе он одобрил, основываясь на дальнейшем рассмотрении

фактов, большую часть самых умеренных предложений и стандартов управления экономической, политической и общественной жизнью Германии.

Черчилль столь же поспешно отмежевался от скоропалительного квебекского соглашения, заметив: «...идея сделать Германию „пасторальной“ не приживется».

В предложенной политической директиве, посланной британским правительством на рассмотрение в Вашингтон в конце октября, содержалась гораздо более умеренная программа управления экономической жизнью Германии и делами, которые за короткое время завоевали благосклонность в Квебеке.

Попытки заключения польско-советских соглашений

Для выработки общей политики по Германии, казалось, было еще далеко. Но к концу лета осталось очень мало времени или не осталось совсем для решений по Польше, которую быстро занимали советские войска.

Рузвельт, снова сообщив Сталину, что по-прежнему не хочет вмешиваться в польский вопрос, все-таки согласился принять Миколайчика в Вашингтоне. Между 7 и 14 июля 1944 года они провели четыре беседы. В это время шло вторжение в Нормандию. Президент чувствовал себя более уверенно, но решительно отказывался принимать какие-либо обязательства. Он только повторял, что Польша должна быть свободной и независимой, и обещал позаботиться, чтобы она не оказалась после войны пострадавшей стороной. Президент намекнул, что это не так уж сложно выполнить, потому что Сталин реалист, но не империалист. Что же касается границ, в которых будет процветать польская нация, он сказал, что ему все же не нравится идея ограничить Польшу на востоке линией Керзона; но он лишь обещал при благоприятных обстоятельствах попытаться выступить в качестве «посредника» в выполнении соглашения по этому спорному вопросу. Он свободно и легко обрисовал свою идею урегулирования, по которой Польша, уступая Советскому Союзу территорию на востоке, оставляла за собой Львов, районы Тернополя и Дрогобыча, в которых добываются нефть и поташ.

Об этом Миколайчик рассказывает в своей книге. Однако существует расхождение между этим рассказом и фразой Чехановского, польского посла в Соединенных Штатах, утверждавшего, что президент упомянул «город Львов, город и нефтяные месторождения Дрогобыча и район Станислава».

И Станислав (ныне Ивано-Франковск. – *Примеч. ред.*), и Тернополь находятся довольно далеко соответственно к юго-востоку и востоку в Восточной Галиции. Тернополь расположен недалеко от русской границы. Станислав значительно удален к юго-востоку от Львова, но, вероятно, более, чем Тернополь. Отдать какой-либо из этих городов Польше означало бы включить в ее состав большую часть Восточной Галиции.

В обмен на это на западе Польша могла получить Силезию, Восточную Пруссию, включая, вероятно, даже Кенигсберг. Миколайчик твердо выступал против подобных переносов бывших польских границ. Как он рассказывал позже, он ответил, что, по его мнению. «...у России не больше прав на половину нашей страны, чем на территорию Соединенных Штатов от Атлантики до Миссисипи...».

Президент посоветовал польскому премьер-министру встретиться со Сталиным и снова попытаться найти условия соглашения. Он заметил, что, разговаривая со Сталиным, нужно держать пальцы скрещенными. Но все же «вы, поляки, должны прийти к соглашению с Россией. У вас нет шансов победить Россию самостоятельно, а... британцы и американцы не намерены бороться с Россией».

Хэлл дал тот же самый совет в гораздо более витиеватых выражениях.

Миколайчик согласился на встречу со Сталиным, и президент пообещал направить маршалу послание с просьбой принять Миколайчика.

Пока в Вашингтоне проходили эти переговоры, Гарриман, по просьбе президента, попытался выяснить, есть ли шансы на примирение. Изучив стенограммы бесед

президента с Миколайчиком в Вашингтоне, 10 июня он заметил Сталину, что отношение Рузвельта к Польше со времени встречи в Тегеране не изменилось, но он озабочен будущим статусом Львова. Однако он верит в возможность урегулирования этого вопроса между русскими и поляками и уверен, что при благожелательном отношении Сталина к этой проблеме соглашение может быть достигнуто. Сталин дал уклончивый ответ: «...если в польско-советских отношениях возникнут осложнения, он информирует президента».

Сталин также заметил, что, по его мнению, будет полезно, если Гарриман побеседует с членами Национального совета Польши – фаворитами Кремля, – которые недавно прибыли в Москву. Дело в том, объяснил он, что они живут в Польше, а не в эмиграции и могут рассказать ему много полезного. Гарриман согласился на неофициальную встречу, которая состоялась на следующий день. Поляки охарактеризовали свой Совет как союз всех польских групп центристского и левого направления, желающих превратиться в польский парламент, в котором будут присутствовать демократические элементы. Главная цель Совета – выгнать немцев из Польши, в то время как подпольное правительство, возглавляемое генералом Соснковским, недостаточно активно борется против немцев, допустило убийство сторонников польского народного движения и сотрудничает с немецким гестапо. Поляки добавили, что хотели бы связаться с бывшими демократическими членами лондонского правительства, в том числе и с Миколайчиком, которых, по их твердому мнению, можно убедить сотрудничать с Советом. Что же касается границ, они сообщили послу свое мнение, что Польша только выиграет, если будет сотрудничать с Советами, а не займет непреклонную позицию; что они надеются сохранить за Польшей нефтяные месторождения Галиции и Львов, а также расширить польскую территорию на западе. Они предложили направить в Польшу американского военного наблюдателя, чтобы он сам изучил ситуацию в стране и увидел, кто пользуется поддержкой польского народа.

Гарриман рекомендовал Вашингтону подумать о том, чтобы направить в Польшу наблюдателя. Позже в тот же день он попытался выяснить у Молотова, как советское правительство отнесется к такому шагу, но тот уклонился от ответа. Отчеты посла президенту и Хэллу о его переговорах со Сталиным и этой польской группой поступили в Вашингтон, когда Миколайчик еще был там.

Если мы посмотрим ответ Миколайчика на совет американцев и ответ Сталина Гарриману, трудно понять оптимизм, которым пропитано послание Рузвельта Сталину от 17 июня после отъезда Миколайчика. Снова заявив, что он не пытается вдаваться в подробности разногласий и у него нет определенного плана их урегулирования, он сказал, что хочет, чтобы советский вождь знал: он считает Миколайчика искренним и разумным человеком, склонным к упорным попыткам установить хорошие отношения Польши с Советским Союзом. Он полагал, что его недавний посетитель не допустит, чтобы мелочи помешали ему попытаться найти решение, и охотно поедет в Москву, если Сталин сочтет желательным его присутствие. 20 июня Черчилль отправил Сталину послание, пропитанное тем же самым уважением к праву Сталина поступить по-своему.

И он поступил. Ответ Сталина президенту, как и многие его послания, касающиеся Польши, был отправлен, когда решение уже было принято. Поскольку ничто не говорит о готовности Миколайчика сделать шаг к принятию советских условий примирения, заявил он, ему трудно выразить какое-либо мнение о полезности визита поляков в Москву. В тот же день, 24 июня, Сталин заверил Черчилля, что не собирается учреждать на территории Польши советскую администрацию, это придется сделать самим полякам. Настоящая задача возложена на Национальный совет Польши или его дочерние организации, так как подпольные элементы, возглавляемые польским правительством в Лондоне, оказались недолговечными и эфемерными. Относительно Миколайчика Сталин сказал, что не отказывается от встречи с ним, но будет лучше, если тот обратится к Национальному совету Польши.

Ответ Сталина поразил президента. Но Миколайчик, похоже, не удивился, поскольку в период между отсылкой послания Сталину и ответом от него он, по возвращении в Лондон, дважды разговаривал с русским послом при лондонском правительстве Польши Лебедевым. Во время второй беседы тот предложил лондонскому правительству избавиться от некоторых своих членов, в частности от президента Рачкевича и начальника штаба Соснковского. Он также настаивал, чтобы после реорганизации лондонского правительства оно отказалось от шага, ведущего к разрыву с Советским Союзом, а именно не обращалось в Международный Красный Крест по поводу убийства в Катыни. Миколайчик рассмеялся над предложениями посла и заметил: «Вы просите меня, бывшего министра правительства Сикорского, предать это правительство!» Русский посол кивнул, и Миколайчик заметил: «Тогда нам с вами не о чем разговаривать!»

Пока шли эти обмены посланиями, польские группы, работая рука об руку с советским правительством, брали на себя управление Польшей. Советские чиновники приобретали все большую уверенность, что при всем недовольстве таким положением британское и американское правительства не станут мстить и рисковать разрывом отношений ради спасения лондонского правительства.

Национальный совет Польши, 21 июня собравшийся в Хельме, сформировал Комитет национального освобождения, в основном состоявший из коммунистов и им сочувствующих. Среди его членов были Берут, вскоре назначенный президентом конкурирующего правительства Польши, и генерал Берлинг, командующий польскими войсками, сражавшимися в составе Красной армии.

Получив отпор, Рузвельт отказался от дальнейших попыток в ближайшем будущем повлиять на Сталина, но Черчилль продолжал делать все, чтобы предотвратить действия, способные положить конец лондонскому правительству. Предупредив Миколайчика об этой опасности, британское правительство уговаривало его принять прохладное предложение Сталина о встрече в Москве. Несмотря на условия, с которыми ему предстояло согласиться, Миколайчик все-таки поехал.

25 июля Комитет национального освобождения выпустил манифест, в котором объявил Люблин столицей Польши. На следующий день советское правительство подписало соглашение с Комитетом национального освобождения, определяющее отношения между гражданской администрацией и советским главнокомандованием в Польше. Управление на освобожденной территории Польши поручалось комитету.

В палате общин Идеи заявил, что правительство его величества по-прежнему признает правительство Миколайчика законным правительством Польши.

Когда по дороге в Москву Миколайчик узнал о соглашении между советским правительством и Комитетом национального освобождения, ему захотелось вернуться обратно, но Черчилль с Рузвельтом уговорили его не делать этого. От премьер-министра президент узнал, что 28 июля Миколайчик, находясь в пути, направил Сталину послание, в котором выразил надежду на беспристрастное рассмотрение ситуации с наибольшей пользой «для нашего общего дела». На самом деле шансы на уступки со стороны советского правительства и нового польского комитета были ничтожны, и даже меньше, чем предполагал Миколайчик со своими коллегами, находившимися в плену заблуждений относительно своей необходимости советскому правительству для установления «общего языка» с польским народом. На самом же деле советские руководители не нуждались в этом и не собирались ничего уступать только для того, чтобы сделать приятное лондонскому правительству и его сторонникам. Эта позиция явно просматривалась в ответе, который 29 июля Вышинский дал Гарриману на вопрос, что советское правительство собирается сказать Миколайчику.

Вышинский ответил, что Миколайчик прекрасно знает позицию Советского Союза и «ему и вести беседу».

Днем 30 июля Миколайчик прибыл в Москву. Это было накануне трагической попытки варшавского подполья освободить от немцев свой город.

Польша продолжается; Варшавское восстание

Это была отчаянная и в высшей степени мужественная акция. Она разгорелась от искр, раздуваемых в Москве и на линии фронта, протянувшейся к востоку от Варшавы. В конце июня советские войска начали крупное наступление на Витебск на основном польском фронте. К концу июля они прорвали линию центральной обороны немцев и прошли через Белоруссию, преодолев более трех тысяч миль.

В свете последовавших за этим событий стоит вспомнить прогноз Молотова, сделанный им в беседе с Гарриманом 5 июля. Излагая послу стратегию текущего наступления советских войск, он сказал, что Красная армия из Белоруссии направится к Кенигсбергу, а потом повернет на юго-запад через Восточную Пруссию и Северную Польшу, обогнув Варшаву. Освобождение Варшавы предполагается предоставить польским партизанам и польской армии, после того как будут отрезаны все коммуникации немцев на западе. Он также добавил, что советские войска могут продвинуться в Южную Польшу.

Вероятно, Гарриман имел в виду именно эту беседу, когда 19 июля на вопрос Государственного департамента о намерениях Советского Союза высказал предположения: во-первых, Польскую армию генерала Берлинга (соединения в составе Красной армии), возможно, держат в резерве для использования при освобождении Польши, а во-вторых, Красная армия, возможно, пройдет мимо Варшавы, чтобы армия Берлинга совместно с партизанами могла бы, хотя бы для вида, если не фактически, взять Варшаву, после того как будут отрезаны все немецкие коммуникации на западе.

Если первоначальный стратегический план Советского Союза был именно таким, я не знаю, исполнялся ли он неукоснительно и был ли на самом деле предусмотрен решительный фронтальный бросок на Варшаву в процессе наступления Красной армии. Продвижение русских войск в течение следующего месяца по Центральной и Восточной Польше к Висле и Варшаве дает основание полагать, что вначале ради подобной попытки предполагалось изменить план, но потом от этого отказались. Если это было так, то решение остановиться перед Варшавой может быть объяснено несколькими причинами. Сталин хотел подождать, пока немцы в Варшаве не будут уничтожены, как и предполагали лондонские поляки и Черчилль. Кроме того, наступление советских войск в северной части фронта было остановлено в начале августа, и бросок через Восточную Пруссию к северу от Варшавы, перерезающий коммуникации на западе, не был завершен. По словам Сталина, Красной армии пришлось остановиться на Висле перед Варшавой, чтобы подтянуть боеприпасы, так как немецкая оборона в Варшаве была очень сильна.

22 июля поляки в Варшаве перехватили по радио приказ командующего 4-й немецкой бронетанковой армии своим частям отступить западнее Вислы.

Форсировав Буг в Центральной Польше, 24 июля войска Красной армии вступили на территорию западнее линии Керзона и взяли Люблин. В ночь на 26 июля – день, когда советское правительство пообещало подписать соглашение, по которому гражданское управление Польшей поручалось Национальному комитету освобождения, – советские войска дошли до Вислы примерно в 27 милях юго-восточнее Варшавы. В течение следующих нескольких дней они взяли Белосток и Брест-Литовск, то есть два главных подступа к Варшаве с востока. В официальном советском военном коммюнике от 28 июля сообщалось, что советская армия, «...продвигаясь к Варшаве с юга и с востока фронтом шириной почти 50 миль... находится в некоторых местах в сорока милях от Варшавы». В эту ночь в Варшаве третий раз бомбили сортировочные станции. Прага, промышленный пригород на восточном берегу Вислы, попала под артиллерийский огонь русских.

Главнокомандующий организованной подпольной армии в Варшаве генерал Бур с

нетерпением ждал своего шанса взять город раньше частей Красной армии. До отъезда из Лондона в Москву Миколайчик отправил генералу Буру следующее послание: «На заседании кабинета республики была выработана общая резолюция, позволяющая Вам в любой момент поднять восстание. Если возможно, сообщите нам заранее».

Эта операция стала известна под названием «Буря». Приказ был довольно гибким и предоставлял местному лидеру каждого польского города решать самому – поднимать ли народ и когда.

25 июля кабинет принял резолюцию. Послание Миколайчика было отправлено где-нибудь между 25 и 27 июля. Я не знаю, было ли оно получено и вручено генералу Буру до или после того, как он передал по радио в Лондон: «Мы готовы в любой момент сражаться за Варшаву. О дне и часе начала восстания я доложу».

Генерал Андерс, командующий польским корпусом в Италии, противился идее общего восстания. Генерал Соснковский, министр обороны, находившийся в тот день в Италии с Андерсом, согласился с ним и 28 и 29 июля отправил два следующих послания генералу Буру: «...в настоящих политических условиях я категорически против общего восстания, результатом которого станет замена одной оккупации на другую. Следует трезво и объективно оценить ситуацию в Германии. Любая ошибка дорого нам обойдется. В то же время необходимо сосредоточить все политические, моральные и физические силы на борьбе против захватнических планов Москвы».

Эти послания, может быть, дошли до Бура только тогда, когда он начал действовать. В любом случае, этому осторожному совету прямо противоречит более позднее послание президента Рачкевича из Лондона. А 2 августа министр Квапинский (замещающий Миколайчика во время его отсутствия) подтвердил Буру, что «в связи с предложениями главнокомандующего избегать открытых вылазок и полновесных действий, которые вы планируете, польское правительство не считает возможным менять свои предыдущие указания и ваше решение. Открытое вооруженное выступление целиком находится в пределах вашей компетенции. Это относится и к восстанию». К этому времени восстание уже началось.

Вечером 29 июля радиостанция в Москве, известная как станция Костюшко, обратилась к жителям Варшавы от имени Союза польских патриотов: «Варшава, несомненно, слышит шум битвы, которая вскоре принесет ей освобождение...» И далее: «Польская армия, обученная в СССР, входящая на территорию Польши, теперь присоединилась к Народной армии, в результате чего сформирован корпус польских вооруженных сил, вооруженная рука нашей нации в борьбе за независимость».

Станция призывала жителей Варшавы присоединиться к борьбе. «Для Варшавы, не сдающейся, а продолжающей борьбу, настал час действовать. Немцы в Варшаве, несомненно, будут защищаться... Они обрекут город на разрушение, а его жителей на гибель... Поэтому во сто раз больше, чем когда-либо, необходимо помнить, что... прямая активная борьба на улицах Варшавы, в ее домах, на заводах и в магазинах не только ускорит момент окончательного освобождения, но и сохранит национальную собственность и жизни наших братьев. Поляки, время освобождения близко! К оружию! Нельзя терять ни мгновения!»

На следующий вечер, 30 июля, Миколайчик имел первую беседу с Молотовым. Нарком иностранных дел сухо спросил: «Зачем вы сюда приехали? Что вы имеете сказать?» И согласно отчету, позже опубликованному Миколайчиком, добавил: «Скоро мы возьмем Варшаву, мы уже примерно в шести милях от нее!»

Миколайчик нигде не упоминает, что передавал это заявление в Варшаву или Лондон. Не было в то время и никаких контактов между частями Красной армии, стоящей у стен Варшавы, и польскими подпольными группами, ждущими их вступления в город. Советские военачальники и не пытались связаться с ними. Возможно, они не знали их и не знали, где их искать. Не было налажено никакой кодовой связи. Варшавские группы пытались установить связь, но по каким-то причинам это не удалось. Суровость, которую

Красная армия до сих пор проявляла по отношению к группам сопротивления, связанным с лондонским правительством, не вызывала у всех остальных желания сотрудничать с ними.

К 31 июля Красная армия заняла широкий участок Вислы и захватила города, находящиеся в 10 милях к северо-западу и в 12 милях к юго-западу от Варшавы. Немецкие войска подверглись массивной атаке с обоих направлений, а также мощному артиллерийскому обстрелу и прямому наступлению с востока. Ночью генерал Бур отдал приказ в пять часов утра 1 августа начать операцию «Буря».

На это решение повлияли недюжинная национальная гордость и страстное желание оправдать надежды поляков. Весь этот поток чувств был описан Стефаном Корбанским, активным членом польской подпольной армии в Варшаве. Порыв действовать становился сильнее при мысли о том, что «... скажет западный мир, если русские возьмут Варшаву без посторонней помощи. В этом случае Сталин без труда убедил бы союзников, что польская армия, нелегальное правительство и польское подполье как таковые являются фикцией... никто не мог предвидеть, что русские намеренно остановят наступление... Однако дата Варшавского восстания была установлена позже, на секретном военном заседании, принявшем во внимание дополнительный фактор, а именно что немцы завесили город плакатами, призывающими всех мужчин, кроме мальчиков и стариков, явиться на строительство оборонительных сооружений».

На столь поспешное решение, возможно, повлияла жестокость, проявляемая в последнее время немцами к жителям Варшавы, участвовавшие аресты, депортации, расстрелы, принудительные работы. Приказом на борьбу с немцами на улицы города посылались более 35 000 гражданских лиц, слабо вооруженных, не имеющих медикаментов и продовольствия. Среди них было немного коммунистов. Пять немецких дивизий, расквартированных в городе, были брошены на подавление мятежа.

Генерал Бур срочно направил в Лондон рапорт и просьбу о помощи. Но кто мог быстро оказать существенную помощь, если не Красная армия, стоящая за Вислой? А она два дня неподвижно стояла перед Варшавой, не предпринимая никаких попыток помочь восставшим. Московское радио ничего не сообщало о событиях в Варшаве. Никто не пытался наладить связь с восставшими. Когда 2 августа Миколайчик рассказал Молотову о донесениях о мятеже, полученных им из Лондона, Молотов промолчал. В этот день советская пресса сообщила, что связь с Комитетом национального освобождения Польши будет осуществлять генерал Булганин.

На следующий день, 3 августа, Миколайчик и министр иностранных дел Ромер имели первую беседу со Сталиным. Однако на ней речь шла о более широких вопросах советско-польских отношений и не уделялось особого внимания борьбе, идущей в Варшаве. Сталин явно преуменьшал значение подпольного движения, руководимого лондонским правительством. Он заявил, что не может позволить ему сотрудничество с Красной армией и что оно доставляет ему массу хлопот. Не став спорить, Миколайчик заставил Сталина выслушать себя, рассказав об операциях, проводимых этими группами. В ответ Сталин подчеркнул свою незаинтересованность в мобилизации значительной части населения Польши. Он полагал, что поляки могут добиться большего, восстановив стабильную жизнь в освобожденных районах. Затронув вопрос о границах, он заявил о согласии сотрудничать только с польским правительством, признающим линию Керзона. Советское же правительство, в свою очередь, гарантирует границу по Одере, включая Бреслау, Штеттин и Восточную Пруссию. Но Кенигсберг с прилегающей к нему территорией останется за Советским Союзом. В ходе беседы Сталин добавил: если группа Миколайчика найдет общий язык с Комитетом национального освобождения, линия Керзона может быть немного изменена в пользу Польши. Он выразил надежду на их благоразумие, ибо в противном случае Миколайчику все равно придется иметь дело с комитетом. Миколайчик согласился. Тогда Сталин предложил попросить комитет прислать в Москву своих представителей, чтобы скорее начать переговоры.

Лондонское правительство информировало Вашингтон о восстании в Варшаве и просьбе генерала Бура о помощи. Ромер тотчас же передал Гарриману содержание беседы Миколайчика со Сталиным, тот немедленно доложил в Вашингтон, но ни президент, ни Государственный департамент никак не отреагировали на это сообщение.

Британское правительство, узнав о просьбе поляков, решило путем ночных перелетов из Италии поставить в Варшаву снаряжение и продовольствие и сбросить этот груз с самолетов. Черчилль сообщил Сталину, что твердо решил сделать это, надеясь помочь операциям советских войск, а может быть, подать пример Красной армии и ее авиации. Вначале британцы потерпели сокрушительный провал: только немногие самолеты долетели до осажденного города. А ответ Сталина Черчиллю от 5 августа, отправленный после беседы Сталина с Миколайчиком, был, по выражению Черчилля, «быстрым и решительным». В нем чувствовалась насмешка над событиями в Варшаве. Сталин говорил, что заявления поляков о своей деятельности не соответствуют действительности, потому что польская подпольная армия в Варшаве невелика, у нее нет ни артиллерии, ни самолетов, ни танков. И он не представляет, как она может освободить Варшаву, где немцы держат четыре танковые дивизии.

По сигналу Сталина Польский комитет национального освобождения прислал в Москву своих представителей. Во время первой настоящей беседы с ними 6 августа Миколайчик призвал их, как поляков, получить помощь для Варшавы, особенно боеприпасы, которые почти иссякли. Генерал Рола Зимерский, главнокомандующий польского войскового соединения в России, сообщил о своем обращении к советским военным с просьбой сбросить в Варшаву боеприпасы и оружие, но ему ответили, что это можно сделать только примерно в тридцати километрах от центра города. Он также сообщил, что наступление Красной армии было замедлено появлением четырех бронетанковых дивизий, но принято решение окружить город широким обволакивающим движением с севера и с юга; а польские дивизии Красной армии под командованием генерала Берлинга были переброшены на линию восточнее Варшавы. Был ли это достоверный отчет о положении и намерениях Красной армии, или советское правительство обманывало и люблинскую группу, или это было секретным сговором между советским правительством и люблинской группой для дезинформации Миколайчика, остается только догадываться. Информация о встрече двух групп поляков 6 августа, на которой речь шла о ситуации в Варшаве, почерпнута из отчетов американского и британского послов в Москве, направленных своим правительствам после беседы с Миколайчиком.

Беседы Миколайчика с представителями комитета, состоявшиеся 7 и 8 августа, выявили все последствия неизбежного торга. В дискуссии доминировал председательствовавший Берут, чьи изысканные манеры и заявления опечалили и встревожили Миколайчика. Миколайчику предложили не возвращаться в Лондон, а как можно скорее ехать в Варшаву. Затем, когда будет сформировано новое правительство, четыре из восемнадцати постов кабинета люблинская группа отдаст независимым партиям. Пост премьер-министра достанется Миколайчику. Миколайчик решительно отверг это предложение, сказав Беруту, что его просят продать польский народ. Положение не стало легче, когда позже, 8 августа, Миколайчик и группа комитета снова обсудили свои разногласия в присутствии Молотова, принявшего на себя роль «старшего брата». Миколайчик упорно повторял, что сделанное ему предложение несправедливо и даже несколько позорно для польского народа. Не изменил он своей точки зрения и тогда, когда генерал Рола в частной беседе уговаривал его не возвращаться в Лондон, а вместо этого ехать в Варшаву, предупреждая, что если он не поедет в Варшаву, то, скорее всего, Комитет национального освобождения без него сформирует правительство, в котором будут преобладать коммунисты. Миколайчик, рассказывая об этом американскому и британскому послам, заметил, что он будет свиньей, если последует этому совету.

Поэтому Миколайчик, с еще более зловещей отрешенностью, чем когда-либо, 9 августа отправился на окончательную беседу со Сталиным. Когда Миколайчик упомянул о ситуации в Варшаве, Сталин ответил, что он предполагал взять город на три дня раньше, 6 августа, но ему помешало появление четырех бронетанковых и других немецких дивизий, брошенных на участок форсирования Вислы. Казалось, он до сих пор сомневался, идет ли в городе настоящая борьба, сказав, что, по сообщениям люблинской группы, никакой борьбы там нет. В ответ на просьбы Миколайчика сбросить помощь с самолетов Сталин сказал, что Красная армия уже пыталась сбросить с парашютами в Варшаву двух офицеров и оба были схвачены и убиты немцами. Позже Миколайчик писал, что это была неправда.

Но как бы то ни было, прежде чем разговор был завершен, Сталин пообещал помочь варшавянам и сделать для этого все возможное. Миколайчик быстро доложил в Лондон, что Сталин пообещал оказать помощь Варшаве, начав сразу же сбрасывать с самолетов боеприпасы. Нельзя сказать с уверенностью, оправдывало ли обещание Сталина столь решительный доклад.

Из слов Миколайчика у Гарримана и Кларка Керра сложилось впечатление, что эта прощальная беседа со Сталиным была шагом к примирению. Это впечатление подтвердилось в краткой телеграмме Сталина Рузвельту от 9 августа, в которой речь шла о беседах с Миколайчиком. Выразив убежденность, что польский премьер-министр имеет неудовлетворительную информацию о делах в Польше, он сказал, что, по его мнению, эти беседы могут стать первым шагом к согласию, поскольку обе польские группы выразили желание работать вместе, чтобы объединить все демократические силы Польши. 12 августа президент поблагодарил Сталина за это оптимистичное послание. Он выразил глубокую надежду, что переговоры приведут к решению, «...которое позволит создать законное временное и действительно представительное польское правительство». Это было все.

Но советские войска, находящиеся в непосредственной близости от Варшавы, по-прежнему не предпринимали никаких попыток войти в город и спасти поляков. Молотов говорил представителям посольств, что окружение, предпринятое советскими войсками, продлится некоторое время и что в данный момент немцы перешли к контратакам.

12 августа Черчилль снова спросил Сталина, не может ли он предоставить помощь отважным бойцам в Варшаве. Они не получили почти ничего из тех поставок, которые ценой огромного риска отправлялись по ночам из Италии. Рузвельт, неделю обдумывая просьбы лондонского правительства, наконец одобрил план, согласно которому американские тяжелые бомбардировщики с грузом боеприпасов на борту под прикрытием истребителей будут совершать на большой высоте дневные перелеты из Франции, попутно бомбардируя немецкие аэродромы. Для этой операции требовалось сотрудничество с русскими, поскольку бомбардировщикам придется пересекать советские линии фронта и приземляться для дозаправки на полтавских аэродромах, используемых американцами для челночных бомбардировок. Этот план по военным каналам был передан советскому правительству, а 14 августа Гарриман представил его письменную копию Молотову как «...документ, продиктованный политическими соображениями».

Первый ответ был дан в письме Вышинского, которое посол получил почти тотчас же. В нем говорилось, что советское правительство «не может согласиться» с проектом, потому что считает Варшавское восстание «...авантюрной затеей, которой советское правительство помогать не может».

В более позднем послании Сталина Миколайчику та же самая точка зрения выражена более решительно. «Более подробно изучив вопрос, я убедился, что варшавская акция, осуществляемая без ведома советского командования, является бездумной авантюрой, из-за которой жители города несут неоправданные потери. Кроме того, следует упомянуть, что польским лондонским правительством была начата клеветническая кампания, которая стремится создать иллюзию, что советское

командование обманывает жителей Варшавы. Ввиду такого состояния дел советское командование не поддерживает варшавскую авантюру и не может принять на себя ответственности за нее».

Получив письмо Вышинского, Гарриман и Кларк Керр попросили о встрече с Молотовым. Поскольку его не было в Москве, их принял Вышинский. Они заявили, что, по их мнению, советское правительство совершает серьезную ошибку, которая будет иметь тяжелые последствия в Вашингтоне и в Лондоне. Ответы Вышинского показали, что советское правительство решило воспользоваться шансом, предоставленным варшавской трагедией, и покрыть позором лондонское правительство, дискредитировав его в глазах поляков, живущих в стране. Это заставило Гарримана включить в свой отчет от 15 августа невеселое размышление: «Если Вышинский верно выражает позицию советского правительства, его отказ вызван безжалостными политическими соображениями, а не сопротивлением немцев или оперативными трудностями».

На следующий день Вышинский, пригласив Гарримана и Кларка Керра, дал им письменный ответ, чтобы, как он объяснил, поставить точки над «и». Вот этот ответ: «Разумеется, советское правительство не может возражать против сбрасывания оружия в Варшаву английскими или американскими самолетами, так как это дело американцев и британцев. Но оно решительно возражает против использования для этих целей советских авиабаз, поскольку советское правительство не хочет иметь ни прямого, ни косвенного отношения к варшавской аванюре».

Гарриман и Кларк Керр всячески пытались показать Молотову, как их правительства огорчены и встревожены холодным отношением Советского Союза к варшавским повстанцам, сражающимся с немцами. Сначала Молотов невнятно объяснял, почему в течение этой недели, после того как Сталин пообещал Миколайчику постараться оказать помощь, позиция Советского Союза стала жестче. Но в конце концов признался: изменение произошло из-за заявлений западной прессы о том, что Красная армия и советское правительство умышленно бросили поляков в Варшаве на произвол судьбы. Молотов возлагал ответственность за эту пропаганду на польское правительство в Лондоне и не находил пути спасения его и варшавских повстанцев от их глупости.

По возвращении в посольство Гарримана ждало очередное указание из Вашингтона. Оно уполномочивало его передать Сталину или Молотову надежду президента, что советское правительство будет участвовать в помощи польским подпольным силам в оккупированной немцами Польше. Но независимо от действий советского правительства вооруженные силы Соединенных Штатов в меру своих возможностей будут это делать. Это было первое дерзкое выражение американцами своей воли в отношении Варшавы, адресованное Москве. Однако или Государственный, или Военный департамент, или оба вместе вскоре засомневались, не слишком ли дерзко они поступили. В послании Гарриману от 19 августа Государственный департамент запросил, желательно ли продолжать давление на советское правительство в отношении использования авиабаз на его территории для операций по спасению Варшавы. Он предоставил благоразумию Гарримана решать, делать это или нет. Но он просил принять во внимание важность продолжения челночных бомбардировок Германии, заметив, что «наши военные власти придают этим операциям особое значение». Далее в послании указывалось, что британцы, возможно, не принимают во внимание этот аспект и склонны зайти значительно дальше, чем готов зайти президент. В заключение было невразумительно замечено, что, поскольку советское правительство не склонно мешать нашим независимым операциям, чувствуется, что Гарриман уже достиг своей основной цели. Это замечание озадачило Гарримана, о чем он тотчас же доложил в Вашингтон.

Упоминание о точке зрения президента также озадачивает в свете совместного послания, которое они с Черчиллем на следующий день, 20 августа, отправили Сталину.

Гарриман тотчас же направил письмо Молотову, рассказав ему о наших намерениях оказать всемерную помощь полякам в Варшаве. Несчастный, но неутомимый Черчилль 20

августа убедил президента присоединиться к его посланию, несмотря на нежелание лично участвовать в делах Польши. «Мы надеемся, – писали они Сталину, – что Вы сбросите наиболее необходимое снабжение и оружие полякам – патриотам Варшавы. В ином случае не согласитесь ли Вы помочь нашим самолетам сделать это весьма быстро?»

В тот же самый день два события показали, насколько иначе советское правительство смотрело на ситуацию в Варшаве. Пресса писала, что за день до этого советские самолеты сбрасывали на Варшаву листовки, определяющие восстание как результат действий безответственной клики в Лондоне и призывающие население прекратить сопротивление и спасать свои жизни. А советское Министерство обороны откладывало ответ на привычное предварительное сообщение об очередном планируемом полете в Полтаву челночных бомбардировщиков, чтобы не позволить самолетам союзников сбросить боеприпасы для восставших на Варшаву.

22 августа Сталин ответил на совместное послание Рузвельта и Черчилля. Теперь он вваливал вину за происходящее в городе на кучку преступников, которые несут смерть хорошим людям, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Более того, он писал, что с военной точки зрения создано весьма невыгодное для русских положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве.

Кстати, можно утверждать, что такое положение было только на руку русским, так как притянуло немецкие резервные силы, которые иначе были бы брошены на защиту немецких рубежей в Румынии и Болгарии на юге Карпат. К середине августа только две из восемнадцати немецких бронетанковых дивизий на востоке находились на юге Карпат. 20 августа советские войска мастерски начали кампанию на участке фронта между Карпатами и Черным морем протяженностью в 300 миль.

Прямое наступление на город, продолжал Сталин, невыгодно для Красной армии; но советские войска не пожалеют усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Он не упомянул о просьбе разрешить самолетам союзников приземляться за советскими линиями фронта.

Черчилль горел желанием ответить, что самолеты союзников будут посланы в любом случае, а уж советским властям решать, давать или нет убежище любому самолету союзников, который пересечет советскую линию фронта. Но Рузвельт отказался подписывать подобное послание, поскольку считал, что это не пойдет на пользу общей перспективе войны.

В течение следующих двух недель осажденные, умирающие, разобщенные на отдельные группы поляки в Варшаве продолжали сражаться. Несмотря на крупные акции на главных фронтах, этот эпицентр бедствия не был забыт. Черчилль продолжал призывать Москву и Вашингтон принять какие-нибудь меры, чтобы хотя бы показать, что эта горстка храбрецов не брошена. В начале сентября, по словам Черчилля, Кремль изменил свою тактику. 9 сентября советское правительство согласилось принять участие в доставке боеприпасов с воздуха. Но, даже сделав это, оно повторяло, что не несет никакой ответственности за события в Варшаве, а зайдя еще дальше, упрекнуло британское правительство за то, что оно заранее не предупредило о восстании, и спросило, не является ли это повторением событий 1943 года, когда польское эмигрантское правительство, без возражений со стороны британского правительства, сделало сокрушительное заявление об убийстве в Катыни.

Начиная с 13 сентября небольшие группы советских самолетов начали по ночам сбрасывать продовольствие жителям Варшавы. Большая его часть досталась немцам. После перерыва, вызванного нелетной погодой, 18 сентября американцы сбросили с бомбардировщиков боеприпасы. Они тоже не достались осажденным. Крупные силы Красной армии прочно закрепились на берегу Вислы напротив Варшавы, а остальные прорывались вперед южнее и севернее города. По настоянию генерала Берлинга четыре польских пехотных батальона на пароме были переправлены через реку, чтобы присоединиться к восставшим, но, понеся огромные потери, вынуждены были вернуться.

Пока предпринимались эти запоздалые попытки поддержать и спасти оставшихся в живых жителей Варшавы, Черчилль, Рузвельт и их штабы заседали на конференции в Квебеке. Похоже, они так и не смогли ничего предпринять ни по отношению к Польше в целом, ни по отношению к восстанию в Варшаве. Когда 23 сентября Гарриман передавал Сталину совместное послание Рузвельта и Черчилля, информирующее его о решениях, принятых в Квебеке, он спросил Сталина, удовлетворен ли тот ходом битвы за Варшаву. Сталин ответил: нет. Висла оказалась непреодолимым препятствием. При форсировании реки части Красной армии подверглись такому мощному артиллерийскому обстрелу, что ни один советский танк не мог прорваться по понтонной переправе, а без танков фронтальная атака невозможна из-за занятия немцами очень удобной наблюдательной позиции на высоком берегу Вислы. Гарриман не стал напоминать Сталину, что с подобными трудностями столкнулись и союзники при форсировании Ла-Манша.

Конец был близок. После шестидесяти трех дней ожесточенных боев 2 октября остатки поляков, сражавшихся в Варшаве, сдались. Погибли самые сильные бойцы польской подпольной армии. Вот что писал Черчилль об этом исходе: «Когда три месяца спустя в город вошли русские, они нашли разрушенные улицы и горы непогребенных трупов. Таково было их освобождение Польши, в которой они теперь хозяйничают».

Здесь можно заметить, что в конце октября, после того как борьба за Варшаву закончилась, когда Черчилль посетил Москву, Сталин, объясняя, почему он не попытался взять Варшаву фронтальной атакой, сказал, что советской армии пришлось бы уничтожить город и его жителей, а им не хотелось этого делать. По этой же причине не были предприняты и атаки с воздуха.

В этот период люблинская группа расширяла свое влияние и работала рука об руку с Красной армией. Люблинские поляки старались убедить зарубежных дипломатов и прессу, что они независимы и выражают волю основной массы польского народа. Они представляют собой коалиционную, а не коммунистическую группу, проводящую умеренную и терпимую политику.

Одновременно польское правительство в Лондоне начало отходить от своей позиции противостояния требованиям Советского Союза. Вернувшись из Москвы в Лондон, Миколайчик проводил интенсивные консультации со своей группой и главными фигурами польского подполья. К концу августа они после оживленных споров приняли план, в котором прослеживалась тенденция удовлетворить требования Советского Союза. Он был представлен на рассмотрение советскому, американскому и британскому правительствам 1 сентября с пояснением, что его условия следует считать не окончательными, а лишь как основу для переговоров после освобождения Варшавы.

В некоторых пунктах этого плана сквозило желание избавиться от контроля тех элементов, что управляли Польшей до войны, и сделать Польшу истинно демократической страной. План предусматривал преобразование правительства в коалицию четырех основных предвоенных партий и Польской социалистической (коммунистической) партии на равных условиях. На новое правительство возлагалось управление освобожденными территориями Польши. Выборы предполагалось провести как можно быстрее, а после них ввести в действие новую конституцию. Предстояло тотчас же обсудить с советским правительством ход ведения войны против Германии, предотвращение новой немецкой агрессии и длительный советско-польский союз, уважающий независимость обоих государств. Надлежало также поддерживать крепкую дружбу с Великобританией, Францией и Соединенными Штатами. Вопросы границ должны были быть решены исходя из следующих принципов:

- 1) новая Польша должна иметь не меньшую территорию, чем Польша довоенная;
- 2) главные центры культурной жизни Польши и источники необходимого сырья должны остаться в пределах Польши;
- 3) окончательные границы должны быть определены не раньше, чем будет избрано

правительство.

Польские вооруженные силы будут действовать под руководством советского Верховного командования в восточной зоне. А в период советской оккупации Германии русским надо позволить держать войска на территории Польши для защиты своих баз и линий коммуникаций.

Британское правительство высоко оценило эту программу. Американское правительство не воспользовалось шансом выразить свое мнение по этому вопросу. Советское правительство ее проигнорировало на том основании, что каждое из этих предложений надо было обсудить с люблинским комитетом.

Миколайчик, находясь в Лондоне, уклонялся от любого возобновления дискуссий с этой соперничающей группой. Из-за его страстного желания попытаться найти основания для соглашения с советским правительством его положение в лондонской группе находилась под угрозой. И он не хотел браться за миссию, вынуждавшую его обсуждать какое-либо соглашение, напоминающее то, которое в августе было предложено ему в Москве.

Таким образом, после освобождения Варшавы польский конфликт все еще оставался открытым. Советское правительство и пресса относились к Польскому комитету национального освобождения как к подопечному. Были начаты поставки продовольствия в освобожденные районы голодающей Польши. Этот комитет продолжал ругать лондонское правительство, обвиняя Миколайчика в том, что по возвращении в Лондон он стал более непреклонным. Он пытался получить для него и подтвердить народную поддержку, организовав в Польше встречи членов бывших политических партий – тех самых партий, которые Берут в беседе с Гарриманом назвал мертвыми. Он стремился убедить поляков, что правительство в Лондоне их покинуло и вообще состоит сплошь из фашистов. В то же время он просил у американского и британского правительств продовольствия, техники и помощи в восстановлении условий жизни и труда в Польше.

Но с изучением того, что произошло, можно повременить. Ведь наша долгая прогулка по самому протоптанному участку отношений внутри коалиции – Польше – увела нас с мест других событий, решений и конференций, происшедших летом и ранней осенью 1944 года.